

По делу «Андреева против Латвии»

Европейский Суд по правам человека¹, рассматривая дело Большой Палатой в составе:

Жан-Поля Коста, *Председателя Большой Палаты Европейского Суда,*

Христоса Розакиса,
Николаса Братца,
Пера Лоренсена,
Франсуазы Тюлькенс,
Жозэпа Касадеваля,
Иренеу Кабрала Баррето,
Корнелиу Бирсана,
Нины Вайч,
Альвины Гюлумян,
Дина Шпильманна,
Дэвида Тора Бьоргвинссона,
Яна Шикуты,
Инеты Зиемеле,
Марка Филлигера,
Изабеллы Берро-Лефевр,
Здравки Калайджиевой, *судей,*

а также при участии Майкла О'Бойла, *заместителя Секретаря-Канцлера Европейского Суда,*

проведя 25 июня 2008 г. и 14 января 2009 г. совещания за закрытыми дверями, в последний из указанных дней вынес следующее постановление:

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «АНДРЕЕВА ПРОТИВ ЛАТВИИ»

[ANDREJEVA V. LATVIA]

(жалоба № 55707/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

18 февраля 2009 г.

Настоящее постановление является окончательным, но в его текст могут быть внесены редакционные изменения.

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 55707/00) против Латвийской Республики, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) «постоянно проживающей в стране негражданкой» [*nepilsons*] Латвийской Республики, ранее гражданкой СССР, г-жой Наталией Андреевой (*далее* — заявительница), 27 февраля 2000 г.

2. Интересы заявительницы представлял в Европейском Суде г-н В. Бузаев, депутат Сейма Латвии. Интересы властей Латвии (*далее* — государство-ответчик) в Европейском Суде представляла г-жа И. Рейне, Представитель Латвийской Республики при Европейском Суде по правам человека.

3. В своей жалобе в Европейский Суд заявительница утверждала, среди прочего, что, отказавшись — на том основа-

нии, что у нее нет латвийского гражданства — назначить ей государственную пенсию ввиду трудового стажа, накопленного ей в бывшем Советском Союзе до 1991 года, национальные власти допустили в отношении нее дискриминацию при реализации ею своих имущественных прав. Заявительница при этом обосновывала свою жалобу положениями статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Заявительница также утверждала, что является жертвой нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции, так как была лишена возможности принять участие в судебном заседании, в ходе которого ее дело рассматривалось в суде кассационной инстанции.

4. Жалоба была передана в производство Третьей Секции Европейского Суда (в порядке пункта 1 статьи 52 Регламента Европейского Суда). 11 июля 2006 г. жалоба была признана частично приемлемой для рассмотрения по существу Палатой указанной Секции в составе следующих судей: Боштяна М. Зупанчича (Председателя Палаты), Кор-

нелиу Бирсана, Владимиро Загребельского, Альвины Гюлумян, Эгберта Мийера, Дэвида Тора Бьоргвинссона и Инеты Зиемеле, а также Секретаря Секции Винсента Берже.

5. 11 декабря 2007 г. Палата уступила юрисдикцию по рассмотрению дела в пользу Большой Палаты, при том что ни одна из сторон в деле не возражала против такой уступки (в порядке статьи 30 Конвенции и правила 72 Регламента Европейского Суда).

6. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда. Было также вынесено решение уведомить о жалобе власти Украины и власти Российской Федерации, а также предложить им представить свои замечания по делу (в порядке пункта 2 статьи 36 Конвенции и правила 44 Европейского Суда). Однако власти ни одного из указанных государств не пожелали воспользоваться этим правом.

От редакции. По делу заявительница, постоянно проживающая в Латвии, в своей жалобе в Европейский Суд утверждала, среди прочего, что, власти Латвии, отказавшись — на том основании, что у нее нет латвийского гражданства — назначить ей государственную пенсию ввиду трудового стажа, накопленного ей в бывшем Советском Союзе до 1991 года, допустили в отношении нее дискриминацию при реализации ею своих имущественных прав. Заявительница при этом обосновывала свою жалобу положениями статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Заявительница также утверждала, что является жертвой нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции, так как была лишена возможности принять участие в судебном заседании, в ходе которого ее дело рассматривалось в суде кассационной инстанции.

Рассмотрев доводы сторон в деле и изучив соответствующие нормы латвийского законодательства, Большая Палата Европейского Суда единогласно отклонила возражения государства-ответчика и постановила — шестнадцать голосами «за» и одним голосом «против» — что по делу властями государства-ответчика в отношении заявительницы действительно было допущено нарушение требований статьи 14 в сочетании с требованиями статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, а также постановила единогласно, что власти государства-ответчика нарушили право заявительницы на справедливое судебное разбирательство, гарантируемое пунктом 1 статьи 6 Конвенции. К постановлению приложено частично особое мнение судьи от Латвии Инеты Зиемеле.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

7. Как заявительница, так и государство-ответчик представили письменные замечания по существу дела.

8. Заседание Большой Палаты Европейского Суда по данному делу состоялось публично во Дворце правосудия (г. Страсбург) 25 июня 2008 г. (в порядке пункта 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании приняли участие:

(а) от государства-ответчика:

г-жа С. Каулиня, *Сопредставитель Латвийской Республики при Европейском Суде по правам человека*,
г-н Э. Плаксин,
г-жа Д. Трушинская, *консультанты*;

(б) от заявительницы:

г-н В. Бузаев, *представитель*,
г-н А. Димитров, *консультант*.

Европейский Суд заслушал выступления г-на Бузаева и г-жи Каулиня.

9. 8 и 10 июля 2008 г. соответственно заявительница и государство-ответчик представили свои письменные ответы на дополнительные вопросы, заданные Европейским Судом в ходе заседания по делу. Затем, в письме от 8 октября 2008 г., заявительница проинформировала Суд о новых событиях, связанных с ее делом.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Обстоятельства, предшествовавшие делу

10. Заявительница родилась в Казахстане и прибыла на жительство в Латвию в 1954 году в возрасте двенадцати лет, когда Латвия была одной из пятнадцати «Советских Социалистических Республик» (ССР) Советского Союза. С этого момента она постоянно проживала в Латвии. В 1966 году, окончив Рижский политехнический институт, она получила работу в лаборатории на заводе по переработке отходов в составе химического комплекса в г. Олайне (Латвия).

11. В 1973 году заявительница была переведена в региональное подразделение службы по контролю за охраной окружающей среды, которое представляло собой часть Министерства химической промышленности СССР. До 1981 года она работала на государственном предприятии при Министерстве, головная структура которого находилась в г. Киеве (Украина). Затем она была переведена в распоряжение подразделения того же предприятия, которое находилось в Белоруссии (на территории современной Беларуси) и, в свою очередь, подчинялось отделению с головной структурой в г. Долгопрудном (Московская область, Россия). Указанное предприятие было предприятием всесоюзного значения, и по этой причине его деятельность регламентировалась союзным законодательством, а руководство осуществлялось непосредственно центральным Правительством СССР. Заработная плата выплачивалась посредством ежемесячных почтовых переводов из Киева и Москвы. Несмотря на ряд последовательных переподчинений, заявительница продолжала работать на заводе по переработке отходов в г. Олайне. Более того, на протяжении этого периода она оставалась членом местного отделения централизованного советского профсоюза работников химической промышленности.

12. 4 мая 1990 г. Верховный Совет Латвийской ССР (являвшийся на тот момент законодательным органом респуб-

лики) принял Декларацию о восстановлении независимости Республики Латвия. 21 ноября 1990 г. служба по надзору за охраной окружающей среды была упразднена. Так как предприятие стало самостоятельным, заявительница перешла в непосредственное подчинение руководства завода.

13. В августе 1991 г. независимость Латвии была полностью восстановлена. Впоследствии, в декабре 1991 г., Советский Союз, государство, гражданином которого до тех пор являлась заявительница, перестал существовать. Таким образом, заявительница стала лицом без гражданства. После принятия 12 апреля 1995 г. Закона «О статусе бывших граждан СССР, которые не имеют гражданства Латвии или другого государства» заявительнице был присвоен статус «постоянно проживающей в стране негражданки» [*nepilsoņe*].

14. В сентябре 1993 года заявительница была уволена по сокращению штатов. Она незамедлительно подписала договор с другим работодателем, находящимся в г. Риге, где проработала до выхода на пенсию в 1997 году.

B. Обстоятельства, имеющие отношение

к исчислению размера пенсии заявительницы

15. В августе 1997 года, достигнув возраста 55 лет, заявительница уволилась с работы и обратилась в Управление социального страхования Курземского района г. Риги [*Rīgas Kurzemes rajona Sociālās apdrošināšanas pārvalde*] с целью назначения ей пенсии по старости [*vecuma pensija*]. В письме от 21 августа 1997 г. Управление уведило ее, что в соответствии с пунктом 1 переходных положений Закона «О государственных пенсиях» при исчислении размера пенсий для иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянным местом жительства которых на 1 января 1991 г. являлась Латвия, могут приниматься во внимание только периоды занятости в Латвии. Судя по трудовой книжке [*darba grāmatiņa*] заявительницы, с 1 января 1973 г. по 21 ноября 1990 г. она состояла в трудовых отношениях с организациями, находившимися в Киеве и Москве. Поэтому Управление исчислило размер пенсии заявительницы исключительно на основании лет, проработанных ею до и после указанного периода. В результате заявительнице была назначена пенсия в размере всего 20 латвийских лат (приблизительно 35 евро).

16. Заявительница обжаловала это решение в административном порядке в Государственный фонд социального обеспечения [*Valsts sociālās apdrošināšanas fonds*], который своим письмом от 4 сентября 1997 г. отказал в удовлетворении жалобы. Фонд отметил прежде всего, что в архивах завода по переработке отходов отсутствуют доказательства того, что заявительница там работала. Кроме того, по мнению руководства Фонда:

«Поскольку Вы состояли в трудовых отношениях с работодателем, находящимся за пределами территории — хотя и выполняли свою работу на территории Латвии — этот период не может быть принят во внимание [для исчисления размера Вашей пенсии], так как Ваш работодатель не выплачивал налогов нашей Республики».

17. В мае 1998 г. Государственное агентство социального обеспечения [*Valsts sociālās apdrošināšanas aģentūra*], сменившее Государственный фонд социального обеспечения, обратилось в Департамент социального обеспечения Министерства благосостояния [*Labklājības ministrijas Sociālās apdrošināšanas departaments*] за разъяснением относительно применения пункта 1 переходных положений Закона «О государственных пенсиях» в связи с делом заявительницы. В письме от 5 июня 1998 г.

Департамент разъяснил, что поскольку заявительница принадлежала к категории лиц, указанной в положении, только периоды, в течение которых она состояла в трудовых отношениях с организациями, находящимися в Латвии, могли быть приняты во внимание при исчислении размера ее пенсии. Департамент добавил, что единственным эффективным средством решения вопроса могли бы стать только соглашения между Латвией, Украиной и Россией о взаимном признании периодов занятости.

18. Впоследствии заявительница обратилась в Латгальский районный суд г. Риги с иском против Агентства социального обеспечения. В решении от 1 декабря 1998 г. суд отказал ей в исковых требованиях. Заявительница обжаловала решение в Рижском окружном суде, который своим постановлением от 4 мая 1999 г. также отказал ей в удовлетворении жалобы. Рижский окружной суд указал, что поскольку заработная плата выплачивалась ей работодателем, находившимся за пределами Латвии, ее работа на территории Латвии должна рассматриваться как длительная командировка и не может стать основой возникновения права на государственную пенсию за фигурировавший по делу период времени. По ходатайству представителя заявительницы прокурор, действующий при Рижском окружном суде, обжаловал его постановление в кассационном порядке в Сенате Верховного суда Латвии.

19. В письме от 9 сентября 1999 г. канцелярия Сената Верховного суда Латвии известила заявительницу о том, что ее дело будет рассмотрено в открытом судебном заседании 6 октября 1999 г., а также сообщила точное время, в которое будет рассматриваться жалоба. Однако поскольку судебное заседание началось раньше указанного времени, Сенат принял решение о рассмотрении дела даже до явки сторон. Заслушав доводы представителя Генеральной прокуратуры Латвии, просившего удовлетворить жалобу, и проведя совещание по делу, Сенат в составе расширенной коллегии из семи судей оставил жалобу без удовлетворения, указав следующее:

«<...> На основании имеющихся в его распоряжении документов суд второй инстанции отметил, что в период со 2 января 1973 г. по 21 ноября 1990 г. г-жа Наталия Андреева была работником предприятий, находящихся за пределами Латвии.

Поэтому суд второй инстанции пришел к справедливому заключению, что период, в течение которого г-жа Наталия Андреева была работником предприятий, находящихся в Украине и России, не мог быть принят во внимание при исчислении ее пенсии.

В соответствии с пунктом 1 переходных положений Закона «О государственных пенсиях», пенсии иностранных граждан или лиц без гражданства, постоянно проживающих в Латвии на 1 января 1991 г., исчисляются с учетом периодов занятости <...> в Латвии <...>

Период занятости в украинских и российских предприятиях не может считаться периодом занятости в Латвии в значении вышеуказанного Закона.

Статья 1 Закона «О государственных пенсиях» определяет лиц, на которых распространяется социальное страхование, как [лиц], которые выплачивали или от имени которых их работодатель выплачивал страховые взносы для государственных пенсий в соответствии с Законом «О государственном социальном страховании».

В соответствии с <...> Законом «О государственном социальном страховании», на всех работников организаций, подлежащих налогообложению в Латвии, распространяется схема обязательного социального страхования.

Работодатели г-жи Наталии Андреевой, находясь в Украине и России, не выплачивали социально-страховых взносов в Латвии. Следовательно, нет никаких оснований полагать, что на работавшую на предприятиях за пределами Латвии г-жу Наталию Андрееву распространялась латвийская схема социального страхования.

Сенат считает, что договор о сотрудничестве по вопросам социального обеспечения между Латвийской Республикой и Украиной, который был подписан в Киеве 26 февраля 1998 г. и вступил в силу 11 июня 1999 г. — после даты вынесения обжалуемого постановления — не представляет собой достаточного основания для того, чтобы суд признал действия государственных органов незаконными <...>».

20. Не получив возможности принять участие в слушании, заявительница обратилась в Сенат Верховного суда Латвии с просьбой о пересмотре дела. В письме от 13 октября 1999 г. председатель Коллегии Сената по гражданским делам сообщил ей, что Закон «О гражданском процессе» не предусматривает возможности пересмотра постановления после его вынесения при таких обстоятельствах. Однако он принес свои извинения заявительнице за то, что слушание состоялось раньше назначенного времени, и заверил ее, что все доводы сторон были надлежащим образом изучены.

21. В письме от 13 декабря 1999 г. посольство Украины в Латвии сообщило заявительнице, что в силу договора между двумя странами, который вступил в силу 11 июня 1999 г., она имеет право на перерасчет своей пенсии для того, чтобы ее размер учитывал ее работу на украинском предприятии. Посольство рекомендовало заявительнице обратиться в соответствующий орган социального страхования с просьбой о перерасчете размера пенсии. Однако посольство сообщило, что пенсия «в отношении периода занятости в Украине» не будет выплачиваться «до завершения межгосударственных переговоров о порядке выплаты пенсий».

22. В письме от 4 февраля 2000 г. Агентство социального страхования уведомило заявительницу, что начиная с 1 ноября 1999 г. на основании вышеуказанного договора размер ее пенсии, выплачиваемой впредь, будет пересчитан с целью учета ее работы на работодателя, находившегося в Украине. В результате ежемесячный размер ее пенсии, установленный в соответствии с применимой шкалой, составил 30,21 лата (приблизительно 43 евро).

23. В июне 2008 г. размер ежемесячной пенсии, получаемой заявительницей, составил 98 лат 35 сантимов (приблизительно евро 140), складываясь из основной суммы (приблизительно 125 евро) — соответствующей размеру минимального прожиточного минимума, гарантируемого государством, — и дополнительной (приблизительно 15 евро). Эти суммы привязаны к определенным индексам и индексируются раз в полгода в целях учета инфляции и роста размера гарантируемого прожиточного минимума.

24. 2 и 3 октября соответственно Сейм Латвии и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации одобрили договор о сотрудничестве по вопросам социального обеспечения, подписанный 18 декабря 2007 г. (см. ниже, пункты 44–45 настоящего постановления). Согласно представленным заявительницей подсчетам, если договор действовал бы ранее и годы ее работы «в России» были бы учтены сегодня, ее основная пенсия должна была бы увеличиться на 15%, а дополнительная — на 35%. Государство-ответчик заявило, что общая месячная сумма пенсии, получаемой заявительницей, составила бы в этом случае 115 лат 48 сантимов (приблизительно 164 евро).

II. ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДЕЛУ НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. Нормы о расчете размера пенсии заявительницы

1. Советское право (до 1991 года)

25. До 1991 года на лиц, проживающих на территории Латвии, распространялась та же программа социального обеспечения, что и на все остальное население СССР. В частности, пенсионная система в то время была основана не на накопительном принципе, а на принципе «солидарности поколений». Все пенсии выплачивались из государственной казны; часть дохода государства отводилась на выплату пенсий. Говоря точнее, сами работники не облагались социальным налогом, его платили их работодатели. Взносы в систему социального страхования, которые выплачивали различные работодатели, переводились через профессиональные союзы в казну СССР, которой управлял Государственный банк СССР. Эти средства перераспределялись между союзными республиками в самых разных целях, включая выплату трудовых пенсий; при этом размер пенсии не зависел напрямую от суммы налога, выплаченной ранее в налоговые органы. Существовал также личный подоходный налог, часть которого уплачивалась в центральные налоговые органы СССР, а оставшаяся часть — в местные налоговые органы соответствующей союзной республики. Однако доходы, полученные от взимания личного подоходного налога, практически никогда не использовались для выплаты пенсий.

26. Государство-ответчик предоставило следующее описание советской системы социального обеспечения, взятое из энциклопедического словаря, опубликованного в 1970 году:

«Взносы предприятий, учреждений и организаций для целей социального страхования рассчитываются на основе твердого процента фонда заработной платы и распределяются среди различных профессиональных союзов в соответствии с характером и значением работы в соответствующей отрасли. Эти взносы составляют бюджет социального страхования, который является частью государственного бюджета СССР. Государственный бюджет социального страхования утверждается [Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов], управление им осуществляется профессиональными союзами <...>. Трудовые пенсии для работающих пенсионеров также выплачиваются из бюджета социального страхования (неработающие получают свои пенсии из государственного бюджета социального страхования, образуемого из взносов государства и колхозов) <...>».

27. Нормы, регулирующие социальное обеспечение, в основном относились к общей сфере трудового права. Основным законодательным актом в этой области были Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде от 15 июля 1970 г., которые устанавливали основы трудового законодательства в СССР и союзных республиках. Основы законодательства были инкорпорированы в трудовые кодексы союзных республик практически полностью, за исключением особых норм, предоставляющих определенные полномочия местным законодательным органам.

28. Статья 100 Основ законодательства, инкорпорированная в статью 241 Трудового кодекса Латвийской ССР [Latvijas PSR Darba likumu kodekss], указывала:

«Все рабочие и служащие подлежат обязательному государственному социальному страхованию.

Обязательное социальное страхование <...> рабочих и служащих осуществляется за счет государства. Взносы на социальное страхование уплачиваются предприятиями, учреждениями и организациями без каких-либо вычетов из заработной платы рабочих и служащих. Неуплата предприятием, учреждением, организацией страховых взносов не лишает рабочих и служащих права на обеспечение по государственному социальному страхованию».

29. Относящиеся к настоящему делу положения Закона «О государственных пенсиях» от 14 июля 1956 г. звучат следующим образом:

Статья 6

«Выплата пенсий обеспечивается государством за счет средств, ежегодно ассигнуемых по государственному бюджету СССР, в том числе средств по бюджету государственного социального страхования, образуемых из взносов предприятий, учреждений и организаций, без каких-либо вычетов по заработной плате».

Статья 53

«Пенсии исчисляются из среднемесячного фактического заработка <...>. В этот заработок включаются все виды заработной платы, на которые начисляются страховые взносы, кроме заработной платы за сверхурочную работу, за совместительство и всякого рода выплат единовременного характера

Среднемесячный заработок берется за двенадцать последних месяцев работы либо, по желанию обратившегося за пенсией, за любые пять лет подряд из последних десяти лет перед обращением за пенсией <...>».

30. Соответствующие положения Правил уплаты взносов на государственное социальное страхование, принятых совместным постановлением № 890 Совета Министров СССР и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов 12 сентября 1983 г., гласят:

Правило 1

«Предприятия, учреждения и организации, в которых работают рабочие и служащие, а также другие категории работников, подлежащие государственному социальному страхованию, уплачивают взносы на социальное страхование».

Правило 3

«Страховые взносы уплачиваются предприятиями, учреждениями, организациями по тарифам, установленным Советом Министров СССР <...>».

Правило 5

«Предприятия, учреждения, организации перечисляют страховые взносы (за вычетом произведенных ими расходов по социальному страхованию) на текущие счета по социальному страхованию соответствующих отраслевых профессиональных союзов».

Правило 8

«Средства государственного социального страхования хранятся на текущих счетах в учреждениях Госбанка СССР».

31. Отчисления в бюджет государственного социального страхования не были зафиксированы в каких-либо специальных документах, за исключением трудовой книжки,

содержащей информацию о профессиональной карьере конкретного человека. Несмотря на формальную автономию союзных республик, таких как Латвия, в то время, в бюджетных вопросах, не существовало документов, из которых можно было бы точно установить, какая часть налогов, вычтенных из доходов лица, была использована для финансирования его трудовой пенсии.

32. Наконец, в соответствии с частью 2 статьи 19 Закона «О собственности в СССР», «имущество, создаваемое или приобретаемое за счет бюджетных или иных средств Союза <...> или за счет средств, находящихся в ведении предприятий, организаций, учреждений, относится <...> к общесоюзной собственности <...>».

2. Конституция Латвийской Республики

33. Соответствующие положения Конституции [Satversme] Латвийской Республики в редакции от 15 октября 1998 г. сформулированы следующим образом:

Статья 91

«Все люди в Латвии равны перед законом и судом. Права человека реализуются без какой-либо дискриминации».

Статья 109

«Каждый имеет право на социальное обеспечение по старости, нетрудоспособности, безработице и в других установленных законом случаях».

3. Законы «О государственных пенсиях» 1990 года и 1995 года

34. Основным инструментом регулирования вопросов пенсионного обеспечения является Закон «О государственных пенсиях» [Likums «Par valsts pensijām»], вступивший в силу 1 января 1996 г. и отменивший предыдущий закон, принятый в 1990 году. Часть 1 статьи 3 Закона гласит, что лица, на которых распространялась система обязательного социального страхования, имеют право на страховую государственную пенсию. Как правило, размер пенсии в каждом конкретном случае зависит от периода, в течение которого само лицо, его работодатель или и тот и другой платили или предположительно платили страховые взносы для государственных пенсий (части 1 и 2 статьи 9). Доказательством длительности этого периода служит информация, находящаяся в распоряжении Государственного агентства по социальному обеспечению (статья 10 Закона).

35. Вопросы, касающиеся учета трудового стажа при советской власти (до 1991 года), регулируются переходными положениями Закона. До 2006 года соответствующие нормы переходных положений гласили:

Пункт 1

«Для граждан Латвии, репатриантов, членов их семей и их потомков период, принимаемый во внимание при расчете <...> государственной пенсии, включает в себя трудовой стаж <...> до 1 января 1991 г., как в Латвии, так и за ее пределами, вне зависимости от уплаты страховых взносов. Для иностранцев и лиц без гражданства, постоянным местом жительства которых на 1 января 1991 г. являлась Латвия, принимается во внимание трудовой стаж в Латвии и приравняемые к нему периоды, а также периоды, приравняемые к трудовому стажу за пределами Латвии в случаях, предусмотренных подпунктами 4, 5 и 10 настоящего пункта. До 1 января 1991 г. <...>, следующие периоды, приравняемые к трудовому стажу, должны приниматься во внимание при исчислении пенсии:

<...>

(4) время обучения в высших учебных заведениях, а также в других учебных заведениях после получения среднего образования;

(5) время обучения в аспирантуре <...>, последиplomного образования или повышения квалификации;

<...>

(10) время, проведенное в местах заключения политически репрессированными <...>, в ссылке, а также время, проведенное при побеге из этих мест — в трехкратном размере, а на [Советском] Крайнем Севере и в приравненных к нему районах — в пятикратном размере <...>».

Пункт 2-1

«Процедуры исчисления, удостоверения и квалификации периодов, указанных в пунктах 1 и 2 настоящих Переходных положений, определяются Кабинетом [министров Латвийской Республики]».

Пункт 3

«Расходы на учет периодов, указанных в [пункте 1] настоящих Переходных положений, в целях исчисления государственных пенсий покрываются за счет специального государственного пенсионного бюджета».

Пункт 7

«Доказательством трудового стажа в переходный период является:

(1) трудовая книжка [darba grāmatiņa];

(2) сведения о трудовых договорах [darba līgumu grāmatiņa];

(3) документ, подтверждающий уплату страховых взносов;

(4) любое другое доказательство трудового стажа (такие как справки, трудовые договоры или документы, подтверждающие выполнение работы)».

36. Для разъяснения применения указанных выше норм 23 апреля 2002 г. Кабинет министров Латвийской Республики издал Правила (№ 165), касающиеся порядка удостоверения, исчисления и мониторинга страховых периодов [Adrošināšanas periodu pierādīšanas, aprēķināšanas un uzskaites kārtība]. В правиле 21 данных Правил указывается, что любая работа, выполняемая для организаций, находящихся на территории Латвии, должна пониматься как «трудоустройство в Латвии».

4. Постановление Конституционного суда от 26 июня 2001 г.

37. 20 февраля 2001 г. двадцать депутатов Сейма обратились в Конституционный суд Латвии [Satversmes tiesa] с требованием признать пункт 1 Переходных положений Закона «О государственных пенсиях», проводящий различие по признаку гражданства, не соответствующим статьям 91 и 109 Конституции страны и статье 14 Конвенции в совокупности со статьей 1 Протокола 1 к ней. В постановлении от 26 июня 2001 г. (дело № 2001-02-0106) Конституционный суд признал, что указанные положения не были нарушены. В частности, он указал на следующее:

«<...> Полномочный представитель заявителя <...> выражает мнение, что неграждане по своему правовому статусу не связаны ни с одним другим государством, кроме Латвии, поэтому не могут в зарубежных государствах индивидуально реализовывать свое право на социальное обеспечение <...>».

Кроме того, представитель <...> утверждает, что введенная в оспоренную правовую норму разграничительная

линия не обусловлена экономическими или социальными причинами, а также что эти различия не основаны на регламентируемом в законах Латвии правовом статусе граждан и неграждан, к тому же вышеупомянутый тезис подтверждается тем фактом, что после получения гражданства путем натурализации неграждане автоматически получают право получать социальное обеспечение и за проработанные вне Латвии годы.

<...>

(1) 4 мая 1990 г. Верховный совет <...> принял Декларацию «О восстановлении независимости Латвийской Республики» (далее — Декларация). Пункт 8 Декларации содержит обязательство «гарантировать гражданам Латвийской Республики и гражданам других государств, постоянно проживающим на территории Латвии, социальные, экономические и культурные права, а также политические свободы в соответствии с общепризнанными международными нормами о правах человека. Распространить эти права и свободы в полной мере на граждан СССР, которые выразят желание проживать в Латвии, не получая ее гражданства».

Через полгода после принятия Декларации, 29 ноября 1990 г., Верховный совет <...> принял Закон «О государственных пенсиях». Право на государственную пенсию было предоставлено всем жителям Латвии, постоянным местом жительства которых на момент вступления в силу закона, то есть на 1 января 1991 г., была Латвийская Республика. Этот Закон установил право на социальное обеспечение в старости. Были предусмотрены два вида государственной пенсии: трудовая пенсия ([включая] пенсию по старости <...>) и социальная пенсия. Право на трудовую пенсию имели все лица, на которых распространялась система социального страхования Латвийской Республики. Лицам, у которых не было права на трудовую пенсию, Закон гарантировал социальную пенсию. Поэтому по смыслу этого Закона понятия «государственная пенсия» и «социальное обеспечение по старости» являются идентичными. Статья 44 упомянутого Закона определяет, что <...> лицам без гражданства, которые приехали в Латвию из других государств и не работали на предприятиях и в учреждениях Латвийской Республики, пенсия предоставляется в соответствии с заключенными с этими государствами соглашениями; если таких соглашений нет, им предоставляется социальная пенсия. Таким образом, упомянутым группам лиц пенсия была рассчитана по одинаковым правилам <...>

Установленная в этом Законе схема пенсий опиралась на <...> принцип перераспределения (солидарности), что не способствовало заинтересованности работников в обеспечении своей старости. В процессе укрепления государственной независимости Латвии возникла необходимость в создании новой пенсионной системы, соответствующей принципам Европейского союза.

Оценив экономическую и демографическую ситуацию, доступные ресурсы и другие обстоятельства, 2 ноября 1995 г. Сейм принял новый закон с таким же названием <...>, который вступил в силу 1 января 1996 г. Пункт 1 переходных положений закона определяет, что для иностранцев и лиц без гражданства, постоянным местом жительства которых на 1 января 1991 г. являлась Латвия, для исчисления государственной пенсии должен приниматься во внимание трудовой стаж в Латвии и приравняемые к нему периоды. Трудовой стаж за пределами Латвии до 1 января 1991 г. и периоды, приравняемые к нему, не учитываются при исчислении пенсии <...>

Введенная в Латвии модель пенсионной системы получила положительную оценку на международном уровне. Положительно оценивается радикальное изменение тра-

диционного принципа «солидарности поколений»: заработанные работающим поколением деньги выплачиваются лицам, являющимися пенсионерам в настоящий момент, но одновременно существует и принцип страхования, когда каждый сам формирует накопления для своей пенсии <...>. Международные эксперты признают, что пенсионной политикой нельзя решать все социальные вопросы, так как любой направленный на это шаг создает лишь проблемы, что угрожает долговременной стабильности пенсионной системы <...>.

С принятием Закона «О государственных пенсиях» в Латвии были введены принципы, основанные на системе страховых взносов <...> для государственных пенсий, включая норму о том, что размер пенсии зависит от трудового стажа <...>. Он состоит из определенных в Законе периодов работы и приравненных к ним периодов независимости от гражданства лица.

(2) <...> Европейский Суд по правам человека в своей прецедентной практике дает оценку соответствия каждой жалобы [статье 1 Протокола 1 к Конвенции], определяя новые критерии в каждом деле. Не все жалобы автоматически относятся к определению «собственности» в понимании Конвенции. Чтобы принять решение по данному вопросу, необходимо оценить связь между правом на рассматриваемую пенсию или пособие и обязанностью платить налоги и [осуществлять] другие платежи.

[Существование] права или обоснованного ожидания необходимо надлежащим образом доказать. Лицо, которое жалуется на вмешательство публичных властей в осуществление его права пользования собственностью, должно доказать, что он обладает данным правом.

Кроме того, Европейский Суд по правам человека проводит различие между системой, предусматривающей уплату индивидуальных взносов в [пенсионный] фонд, при которой сумма, выплачиваемая [из фонда], может быть также определена в каждом конкретном случае, и системой, где существует только косвенная связь между взносами и получаемой позднее суммой. Вторую систему нельзя считать в достаточной мере материальной, в то время как право собственности как таковое должно быть материальным <...>.

Чтобы определить, касается ли рассматриваемая правовая норма права собственности, необходимо дать оценку характеру пенсионной схемы. Новая пенсионная схема является системой, создающей «собственность». Она опирается на принцип того, что ее участник сделал взносы в определенные пенсионные фонды, и что эти взносы являются долей общих средств фонда. Кроме того, размер этой доли в средствах фонда в любой момент можно определить. В данном случае у лица возникает «собственность» в понимании Конвенции. В своем постановлении по делу «Гайгусуз против Австрии» [*Gaygusuz v. Austria*], на которое ссылаются заявители, Европейский Суд по правам человека пришел к выводу о наличии связи между конкретным видом пособия, на которое у заявителя не было права в соответствии с австрийским законом, и взносами в фонд страхования от безработицы. Поэтому Европейский Суд пришел к выводу, что на жалобу распространяли свое действия положения статьи 1 Протокола 1 к Конвенции <...>.

Однако пенсионная система, существовавшая в Латвии до 1 января 1991 г., опиралась на принцип «солидарности поколений», который предполагает ответственность всего общества и не создает прямую связь между взносом и размером пенсии. При применении принципа «солидарности поколений» невозможно установить, какая часть фонда конкретно принадлежит каждому из его участников. Поэтому право на собственность, гарантированное статьей 1

Протокола № 1 к Конвенции, <...> в данном случае не возникает.

Эта система не предоставляет каждому лицу право на конкретную часть фонда, но создает ожидание получения материальной поддержки, которая будет зависеть от обстоятельств, существующих во время выплаты пенсии. В этой системе пенсии основываются на так называемом принципе коллективного обеспечения и не могут предоставляться исходя из индивидуального вноса каждого. Право на выплату некоторой суммы пособия действительно существует, если система действует непрерывно, а лицо соответствует необходимым критериям. Однако даже в таком случае не возникает права на определенную сумму, ибо она подвержена колебаниям, а также правовому регулированию <...>.

Таким образом, оспоренная правовая норма не касается права собственности и не находится в противоречии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции <...> Поэтому жалоба заявителей на нарушение требований статьи 14 Конвенции также необоснованна.

<...>

(4) <...> Законодательство о социальном обеспечении, к которому относится оспариваемая правовая норма, является специфической областью прав человека, которая в конституционных законах государств и в международных документах по правам человека рассматривается в качестве общей обязанности государства. Механизм регулирования оставлен в ведении законодателя каждого государства. Реализация социальных прав зависит от экономического положения государства и доступных ему ресурсов.

С момента вступления в силу Закона «О государственных пенсиях» каждый житель Латвии независимо от гражданства имеет право на государственную пенсию социального страхования, если он является социально застрахованным лицом и уплачивал страховые взносы в течение необходимого количества лет. Пункт 1 переходных положений Закона «О государственных пенсиях» принят в действующей редакции для того, чтобы в рамках новой пенсионной системы урегулировать вопрос о зачислении в трудовой стаж периодов работы до 1 января 1991 г. и приравненных к ним периодов. Кроме того, необходимо учитывать, что оспариваемая правовая норма распространяется лишь на тех лиц, у которых право на государственную пенсию возникает, начиная с 1 января 1996 г.

У иностранцев и лиц без гражданства, постоянным местом жительства которых на 1 января 1991 г. была Латвия, так же как и у граждан Латвии, в трудовой стаж засчитываются периоды работы на территории Латвии до этой даты. Таким образом, латвийское государство взяло на себя ответственность за проработанное на территории Латвии время каждого постоянного жителя Латвии, независимо от его гражданства.

Различие, отраженное в оспариваемой правовой норме, объективно обосновано характером и принципами пенсионной системы Латвии. Поэтому его нельзя считать дискриминацией по смыслу Конституции.

<...>

Конституционный суд считает, что вопрос о накопленном до 1 января 1991 г. вне территории Латвии трудовом стаже иностранцев и лиц без гражданства должен решаться в форме международных договоров при соблюдении принципов справедливости, соразмерности, взаимности и других принципов права.

<...>

Обоснованным является мнение [представителя] Сейма о том, что Латвия не должна брать на себя обязательства другого государства по обеспечению лиц пенсией по старости за проработанное на территории другого государства время <...>».

5. Закон «О государственных пенсиях» (в новой редакции)

38. Законами от 20 октября 2005 г. и 16 июня 2008 г., вступившими в силу 1 января 2006 г. и 1 июля 2008 г. соответственно, Сейм внес изменения в существенное число норм Закона «О государственных пенсиях». Соответствующие нормы Переходных положений теперь сформулированы следующим образом:

Пункт 1

«Для граждан Латвии в целях исчисления пенсии трудовой стаж на территории Латвии и бывшего СССР до 31 декабря 1990 г. и приравняемые к нему периоды, а также совокупное время, проведенное вне Латвии в случае, указанном в подпункте 10 настоящего пункта, включаются в период уплаты взносов социального страхования. Для иностранных граждан, лиц без гражданства и неграждан Латвии [*Latvijas nepilsoņi*] трудовой стаж и приравняемые к нему периоды на территории Латвии, приравняемые к нему периоды на территории бывшего СССР в случаях, предусмотренных подпунктами 4 и 5 настоящего пункта, а также совокупное время, проведенное вне Латвии в случае, указанном в подпункте 10 данного пункта, считается периодом уплаты взносов. До 31 декабря 1990 г. <...> следующие периоды, аналогичные трудовому стажу, принимаются во внимание для исчисления пенсии:

<...>

(4) время обучения в высших учебных заведениях, а также в других учебных заведениях после получения среднего образования до пяти лет в случаях, когда получение квалификации требовало до пяти лет обучения в соответствующее время, либо до шести лет в случаях, когда получение квалификации требовало более пяти лет в соответствующее время;

(5) время обучения в <...> аспирантуре до трех лет, последипломного образования или повышения квалификации;

<...>

(10) время, проведенное политически репрессированных в местах заключения, <...> и в ссылке, а также время, проведенное при побеге из этих мест — в трехкратном размере, а на [Советском] Крайнем Севере и в приравненных к нему районах — в пятикратном размере <...>».

Пункт 45

«Изменения во вводную часть пункта 1 настоящих Переходных положений, касающуюся учета трудового стажа и периодов, приравняемых к нему, для исчисления пенсий, вступают в силу с 1 января 2007 г.».

Пункты 2–1, 3 и 7 Переходных положений (см. выше, пункт 35 настоящего постановления) не были изменены.

В. Нормы, касающиеся гражданского процесса и роли прокурора

39. В период времени, фигурирующий по делу, административная процедура регулировалась главами 22–25 ранее действовавшего Гражданского процессуального кодекса Латвии (*Latvijas Civilprocesa kodekss*), который временно оставался в силе после замены Кодекса новым Законом о гражданском процессе (*Civilprocesa likums*). Имеющие отношение к делу положения ранее действовавшего Кодекса гласили:

Статья 239-4

«Жалобы на действия центральных или местных административных властей, которые нанесли ущерб

правам физического или юридического лица, в обязательном порядке рассматриваются судом с участием прокурора».

40. Имеющие отношение к делу положения Закона «О гражданском процессе», вступившего в силу 1 марта 1999 г., сформулированы следующим образом:

Статья 90

«(1) Прокуроры принимают участие в рассмотрении дела, если они подали жалобу или заявление, либо если их участие обязательно.

<...>

(3) Участие прокурора в рассмотрении дела обязательно в силу закона или по решению суда.

(4) Прокурор, принимающий участие в рассмотрении дела, вправе знакомиться с материалами дела, заявлять отвод судьям, представлять доказательства и принимать участие в их рассмотрении, заявлять ходатайства [суду], подавать замечания по вопросам, возникающим в ходе рассмотрения дела, и по существу дела в целом, обжаловать решения, постановления и приказы, получать копии решений суда или материалов дела, и совершать другие процессуальные действия в соответствии с законом.

<...>

(6) Отзыв прокурором жалобы или заявления, поданного в суд, не лишает лицо, в интересах которого действовал прокурор, права потребовать от суда рассмотрения дела по существу».

Статья 471

«(1) После заслушивания доклада сенатора [судьи Сената Верховного суда Латвии] суд заслушивает объяснения сторон или их представителей. Он может ограничить время для объяснений; однако сторонам должно быть предоставлено равное количество времени.

(2) Лицо, подавшее кассационную жалобу, или прокурор, в случае если он подал жалобу, должен быть заслушан судом первым <...>.

(3) Сенаторы могут задавать вопросы сторонам.

(4) Каждой стороне предоставляется право дать один ответ.

(5) Если прокурор принимает участие в рассмотрении дела, в котором не он (она) подавала(а) кассационную жалобу, он (она) высказывает свое мнение после объяснений сторон и их ответов».

41. Имеющие отношение к делу положения Закона «О прокуратуре» (*Prokuratūras likums*) от 19 мая 1994 г. сформулированы следующим образом:

Пункт 1 статьи 1

«Прокуратура является органом юридической службы, который самостоятельно осуществляет надзор за соблюдением закона в пределах полномочий, определенных в настоящем законе».

Статья 2

«Прокуратура

<...>

(6) защищает законные права и интересы физических лиц и государства в соответствии с установленным законом порядком;

(7) подает заявления и жалобы в суды в соответствии с установленным законом порядком;

(8) принимает участие в рассмотрении дел судом в случаях, установленных в законе».

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

42. Принцип взаимного признания периодов трудоустройства для целей назначения пенсии содержится в соглашениях о сотрудничестве в сфере социального обеспечения, заключенных Латвией с Литвой (в силе с 31 января 1996 г.), Эстонией (в силе с 29 января 1997 г.), Украиной (в силе с 11 июня 1999 г.), Финляндией (в силе с 1 июня 2000 г.) и Канадой (в силе с 1 ноября 2006 г.). Похожее соглашение с Нидерландами (в силе с 1 июня 2005 г.) запрещает дискриминацию по признаку места проживания. Наконец, 12 июня 2008 г. Сейм принял в первом чтении законопроект, касающийся аналогичного соглашения с Белоруссией.

43. Соглашение с Украиной содержит принцип обоюдного признания совокупных периодов трудоустройства в соответствии с применимым законодательством обеих сторон (пункт 1 статьи 16 соглашения). В отношении периодов до 1 января 1991 г., время работы на территории одной из сторон или обеих принимается во внимание при исчислении пенсии обеими сторонами; при этом не важно, уплачивались ли взносы на рассматриваемой территории (см. пункт 3 той же статьи).

44. Соглашение о сотрудничестве в сфере социальной защиты между Латвией и Российской Федерацией было подписано 18 декабря 2007 г. Сейм ратифицировал его законом 2 октября 2008 г. На следующий день, 3 октября, он был ратифицирован Государственной Думой (нижней палатой российского парламента), а 15 октября — Советом Федерации (верхней палатой). Статья 3 соглашения явно распространяет его действие на «постоянно проживающих в стране неграждан» Латвии. Пункт 1 статьи 10 гласит, что при исчислении трудовой пенсии стороны принимают во внимание совокупный период трудоустройства лица в обеих странах. Пункт 2 статьи 4 содержит исключение о том, что принцип равенства между гражданами обоих государств и лицами, постоянно в них проживающими, не применяется к специальным правилам учета периодов трудоустройства латвийских граждан до 1991 года.

45. Статья 25 соглашения разделяет финансовое бремя выплаты трудовой пенсии между двумя государствами в случае, если лицо получило право на получение такой пенсии после вступления соглашения в силу. Пенсия за периоды работы до 1 января 1991 г. выплачивается государством, в котором получатель проживал, когда обратился за назначением пенсии. Однако в отношении периода после этой даты каждое государство-участник взяло на себя обязательство покрыть периоды трудоустройства на своей территории. Статья 26 указывает, что пенсии, назначенные до вступления в силу соглашения, могут также быть пересчитаны на основании запроса получателя; однако перерасчет не может применяться, пока соглашение не вступит в силу.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

A. Вопрос о статусе заявительницы как «жертвы» нарушения Конвенции

46. В своих замечаниях по существу дела, направленных в Палату Европейского Суда 20 октября 2006 г., государство-ответчик заявило о неприемлемости жалобы для рассмотрения по существу, пояснив, что заявительница частично утратила статус «жертвы» нарушения Конвенции по смыслу положений статьи 34 Конвенции. В связи с этим государство-ответчик указало, что в феврале 2000 г.

Агентство социального страхования пересчитало пенсию заявительницы, чтобы учесть те годы, в течение которых она работала на предприятиях, находившихся в Украине; поэтому у нее больше не было оснований для того, чтобы настаивать на требованиях своей жалобы о нарушении требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, что касается периода времени с 1973 по 1981 год.

47. Государство-ответчик вновь привело это возражение при рассмотрении дела Большой Палатой Европейского Суда. Оно указало, что с февраля 2000 г. заявительница получала на 28 лат 67 сантимов (приблизительно 40 евро 80 центов) больше, чем ранее. Государство-ответчик также указало, что ежемесячная пенсия заявительницы была пересчитана на будущее, а не ретроактивно. Иными словами, она начала получать сумму, точно соответствующую «украинскому» периоду ее занятости, только с 2000 года, и никаких выплат, компенсирующих невыплату разницы ранее, не производилось. Однако, по мнению государства-ответчика, эта позиция соответствует требованиям статьи 28 Венской конвенции о праве международных договоров, которая установила, что международные договоры не имеют обратной силы, «если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом»; в данном случае это было не так. В любом случае, полагало государство-ответчик, разница между размером пенсии, получаемой заявительницей в настоящее время, и суммой, которую она получала бы, если ее пенсия была бы пересчитана за весь соответствующий предшествующий период, минимальна и не может налагать на нее «излишнее финансовое бремя».

48. Заявительница признала, что после того, как было заключено соглашение с Украиной, размер ее пенсии был пересчитан и незначительно повысился. Однако соглашение не содержало какого-либо положения, которое позволило бы произвести выплату соответствующей части ее «украинской» пенсии в ретроспективном порядке. Это касается и других соглашений по вопросам социального обеспечения, включая соглашение с Российской Федерацией, которое было только что заключено и должно вскоре вступить в силу.

49. Европейский Суд отмечает, что в соответствии с правилом 55 Регламента Европейского Суда «любое возражение против приемлемости жалобы должно быть указано, насколько это позволяют характер возражения и обстоятельства, в письменных или устных замечаниях по вопросу о приемлемости жалобы». В связи с обстоятельствами настоящего дела Суд обращает внимание на то, что обсуждаемая пенсия была пересчитана в 2000 году; следовательно, ничто не мешало государству-ответчику указать свое возражение на стадии рассмотрения вопроса о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу. Так как оно этого не сделало, государство-ответчик утратило свое право ссылаться на это возражение. В свете этих соображений, признавая, что затронутый государством-ответчиком вопрос имеет значение для применения статьи 41 Конвенции (см. ниже, пункт 104 настоящего постановления), Суд не может согласиться с данным возражением.

50. Далее, Европейский Суд принимает во внимание недавнюю ратификацию парламентами двух государств, имеющих отношение к настоящему делу, соглашения между Российской Федерацией и Латвией по вопросам социального обеспечения (см. выше, пункты 44–45 настоящего постановления). Однако вне зависимости от того, какое положительное воздействие может оказать это соглашение после его вступления в силу на ситуацию заявительницы, Суд отмечает, что ситуация, ставшая предметом жалобы, остается неизменной на настоящий момент. Таким образом, у него нет оснований полагать, что это оказало какое-либо влияние на статус «жертвы» в отношении заявительницы по смыслу положений статьи 34 Конвенции.

В. К вопросу о юрисдикции государства-ответчика в соответствии со статьей 1 Конвенции

51. Отвечая на вопросы, заданные Большой Палатой, государство-ответчик заявило, что в том, что касается жалобы на нарушение требований статьи 14 Конвенции в сочетании с нарушениями статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, предмет жалобы не подпадает под «юрисдикцию» Латвии; в связи с этим государство-ответчик просило Суд оставить жалобу без удовлетворения. Оно ссылалось на статью 1 Конвенции, которая гласит:

«Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции».

52. Государство-ответчик представило два аргумента по данному вопросу. Во-первых, оно заявило с общей точки зрения, что ответственность за ситуацию, ставшую предметом жалобы, несет не одно, а два разных государства, а именно Советский Союз и Латвийская Республика. По мнению государства-ответчика, включение Балтийских государств в состав СССР в 1940 году произошло в нарушение норм международного права, в результате чего эти государства никак не могут считаться правопреемниками по правам и обязательствам прекратившего свое существование Советского Союза. Соответственно, хотя заявительница и могла иметь определенные надежды на получение части своей пенсии, соответствующей части ее занятости на территории Советского Союза, эти надежды были оправданы только в контексте единого государства, Советского Союза, и не могут существовать, сейчас или в прошлом, по отношению к Латвии. Напротив, «существующая практика» показывает, что правопреемником прекратившего существование государства является Российская Федерация — как на национальном, так и на международном уровне.

53. Во-вторых, относительно положений заявительницы государство-ответчик указало, что завод по переработке отходов, на котором она работала, не имел статуса юридического лица; что местные власти Латвийской ССР не имели никаких средств для осуществления эффективного надзора за деятельностью соответствующего предприятия или за трудовыми отношениями заявительницы; что эти отношения регулировались законами других союзных республик; что заработная плата выплачивалась заявительнице посредством почтовых переводов; и, наконец, что ее работодатели не делали взносов от ее имени в бюджет Латвийской ССР или Латвийской Республики. Напротив, работодатель заявительницы был учрежден в соответствии с союзным законодательством Советского Союза и уплачивал социальный налог от ее имени в союзную казну СССР через централизованный советский профессиональный союз работников химической промышленности. Государство-ответчик делает из этого вывод о том, что пока заявительница работала на предприятиях, находящихся в Украине и России, она находилась за пределами юрисдикции Латвии, а ее работу на территории Латвии можно было сравнить с нахождением командировке. Коротко говоря, Латвия не обязана брать на себя ответственность, лежащую на другом государстве, и выплачивать пенсии за трудовые периоды, во время которых их получатели были трудоустроены в этом государстве; если заявительница желает заявить о своем праве на пенсию, ей стоит посоветовать обратиться к российским или украинским властям.

54. По мнению заявительницы, тот факт, что Латвия не является правопреемницей СССР, не имеет отношения к настоящему делу; такой аргумент может быть использован лишь для того, чтобы оправдать полный отказ от учета

трудового стажа в советский период. Однако она никогда не ссылалась на нарушение имущественного права, гарантированного статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, самого по себе. В ее жалобе речь идет о различии в обращении, запрещенном статьей 14 Конвенции; если государство решило, несмотря ни на что, выплачивать пенсии по старости за периоды работы за пределами территории страны, оно должно делать это без какой-либо дискриминации. Это было бы логично, так как, ратифицировав Конвенцию, Латвия обязалась обеспечить каждому, находящемуся под ее юрисдикцией, права и свободы, определенные в Разделе I Конвенции. Таким образом, Латвия несет полную ответственность.

55. Как и в случае с предыдущим возражением, Европейский Суд отмечает, прежде всего, что это ходатайство о признании неприемлемости жалобы для рассмотрения по существу было заявлено с пропуском надлежащих сроков (см. выше, пункт 49 настоящего постановления). Даже если предположить, что это было не так, возражение в любом случае должно быть отвергнуто по следующим причинам.

56. Европейский Суд напоминает, что концепция «юрисдикции» в целях применения статьи 1 Конвенции отражает значение этого термина в международном публичном праве и тесно связана с концепцией международной ответственности соответствующего государства (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку и другие заявители против Молдовы и России» [*Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia*] (жалоба № 48787/99), § 312, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-VII). Такая ответственность может возникать в связи с действиями всех государственных органов, принадлежат ли они к органам законодательной, исполнительной или судебной власти (см., *mutatis mutandis*¹, постановление Европейского Суда от 13 августа 1981 г. по делу «Янг, Джеймс и Уэбстер против Соединенного Королевства» [*Young, James and Webster v. the United Kingdom*], § 49, серия «А», № 44, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вилле против Лихтенштейна» [*Wille v. Liechtenstein*] (жалоба № 28396/95), § 46, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-VII). Более того, то, что фактическая или правовая ситуация, ставшая предметом жалобы заявителя, частично могла быть вызвана действиями другого государства, само по себе не является решающим фактором для определения «юрисдикции» государства-ответчика. Аргумент, выдвинутый государством-ответчиком, приравнивает определение того, подпадает ли лицо «под юрисдикцию» государства — участника Конвенции, к вопросу о том, может ли лицо считаться жертвой нарушения этим государством права, гарантированного Конвенцией. Однако это два отдельных и различных условия приемлемости жалобы для рассмотрения по существу (см. решение Большой Палаты Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 52207/99, поданной Банковичами [*Banković*] и другими заявителями против Бельгии и других государств, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2001-XII).

57. По настоящему делу Европейский Суд отмечает, что заявительница обжаловала меру, принятую в ее отношении латвийским органом государственной власти — Агентством государственного социального страхования, — в результате чего ей было отказано в получении части имущественного блага, которое она намеревалась получить благодаря закону, принятому Сеймом Латвии. Спор, инициированный

заявительницей в связи с этой мерой, был рассмотрен латвийскими судами на трех уровнях, и эти суды приняли обязательные к исполнению решения по данному вопросу. По мнению Европейского Суда, этого совершенно достаточно для вывода о том, что в контексте настоящего дела заявительница подпадает под «юрисдикцию» государства-ответчика и что его возражение должно быть оставлено без удовлетворения (см., *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маркович и другие заявители против Италии» [*Markovic and Others v. Italy*] (жалоба № 1398/03), § 54–56, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2006-XIV).

Европейский Суд отмечает, тем не менее, что аргументы сторон, изложенные выше, тесно связаны с существом жалобы на нарушение требований статьи 14 Конвенции. Поэтому он рассмотрит их при определении того, имело ли место нарушение указанной статьи.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ В СОЧЕТАНИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

58. Заявительница утверждает, что применение по ее делу пункта 1 переходных положений Закона «О государственных пенсиях», который проводил различие по признаку гражданства среди тех, кто получает пенсию по старости, представляло собой дискриминацию, запрещенную статьей 14 Конвенции, при реализации ее права собственности в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Соответствующие части этих норм гласят:

Статья 14 Конвенции

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку... национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам... рождения или по любым иным признакам».

Статья 1 Протокола № 1

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права».

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

A. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы заявительницы

59. Заявительница сначала повторила свои доводы, касающиеся ответственности Латвии в целях статьи 1 Конвенции (см. выше, пункт 54 настоящего постановления). Таким образом, она оспорила утверждение о том, что ответственность по ее делу лежит на России или Украине. Она также указала, что Россия никогда не выплачивала ей пенсию в одностороннем порядке и не признавала своей обязанности

¹ Mutatis mutandis (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

это делать. В любом случае до 1991 года Латвия, Россия и Украина были частями единого государства, Советского Союза, и налоги, уплачиваемые в пользу каждого работника, не были привязаны к какому-либо территориальному образованию СССР. Поэтому заявительница не была согласна с тем, что в отношении соответствующего периода может быть применен какой-либо территориальный критерий.

60. Заявительница признаёт, что в советский период система социального страхования была основана не на взносах, а на принципе «солидарности поколений». Однако учитывая соответствующую прецедентную практику Европейского Суда на настоящий момент — заявительница ссылается, в частности, на решение Большой Палаты Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалоб № 65731/01 и 65900/01, поданных Стэк [Stec] и другими заявителями против Соединенного Королевства, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2005-X) — этот факт не имеет отношения к делу. Более того, исключение из сферы действия Конвенции социальных выплат, финансируемых за счет общих налоговых поступлений, привело бы к игнорированию того факта, что многие получатели таких выплат в такого рода системах также вносят свой вклад в ее финансирование посредством налогов, которые они уплачивают. Коротко говоря, была ли оспуемая социальная выплата основана на взносах или нет, статья 1 Протокола № 1 к Конвенции применима к ней без какого-либо отличия.

61. Заявительница далее указывает, что прибыла на жительство в Латвию в возрасте двенадцати лет и всю жизнь там проработала, и что ее работа в советские годы имела отношение к защите окружающей среды в Латвии. Однако размер ее пенсии по старости был значительно ниже, чем размер пенсии, которую получал бы гражданин Латвии в аналогичном положении. Таким образом, гражданство стало единственным критерием для проводимого в данном случае различия, которое не имеет объективного и разумного обоснования. Во-первых, заявительница указала, что ее бывшие работодатели уплачивали социальный налог в советские налоговые органы от ее имени — точно так же, как это имело место в отношении лиц, признанных гражданами Латвии после 1991 года. Если Советский Союз не распался бы, она, так же как и они, получала бы ежемесячную пенсию в размере 97 рублей 50 копеек, выплачиваемую из бюджета СССР. Во-вторых, она указала, что различия в обращении, ставшего предметом ее жалобы, не существовало до 1 января 1996 г.; оно было введено лишь Законом «О государственных пенсиях» 1995 года, и никаких причин для этого изменения законодательства не было приведено даже теми членами Сейма, которые выступили с инициативой его внесения.

62. В-третьих, заявительница полагает, что толкование вышеупомянутого Закона Сенатом Верховного суда Латвии, в результате которого она была признана не работавшей «в Латвии» в течение семнадцати лет, было явно неразумным. До 2002 года в Законе «О государственных пенсиях» не содержалось какого-либо определения «совокупных периодов занятости в Латвии». Органы социального обеспечения решили истолковать это понятие ограничительно, а судьи Верховного суда согласились с этим произвольным толкованием. Заявительница обратила особое внимание на то, что в период с 1966 по 1991 год ни ее рабочее место, ни характер ее работы, ни даже профессиональный союз, к которому она принадлежала, не изменились.

63. В этих обстоятельствах заявительница считает, что различие, проводимое властями Латвии, представляет собой дискриминацию, запрещенную статьей 14 Конвенции. Оно стало для нее причиной существенного ущерба, лишив ее как «негражданки» пенсии за семнадцать лет работы. За-

явительница отметила в связи с этим, что пенсия по старости является ее единственным постоянным источником дохода. Она признаёт, что получала медицинские и жилищные льготы, однако она не имела права свободно распоряжаться этими льготами, и они покрывали лишь незначительную часть ее расходов.

64. Заявительница признаёт, что в соответствии с действующим в настоящее время Законом «О гражданстве» она имеет право подать документы на натурализацию и что, если она стала бы гражданкой Латвии, она получала бы пенсию, рассчитанную на основе всего ее трудового стажа. Однако, по ее мнению, требования, предъявляемые к желающим натурализоваться в Латвии, чрезмерно строги — в особенности для пожилых людей — и уже подвергались жесткой критике со стороны Парламентской ассамблеи Совета Европы и Комиссара Совета Европы по правам человека. В любом случае, тот факт, что заявительница добровольно приняла решение не получать латвийское гражданство, не имеет решающего значения для ее дела; хотя ее статус «постоянно проживающей в стране негражданки» не является особым типом латвийского гражданства, права и обязанности, присущие этому статусу, указывают на наличие правовой связи между соответствующими лицами и латвийским государством.

65. Наконец, заявительница не согласна с аргументом государства-ответчика относительно того, что учет периодов трудового стажа до 1991 года должен осуществляться при помощи международных соглашений по вопросам социального обеспечения. Даже если соглашение с Российской Федерацией — которые были предметом межправительственных переговоров на протяжении более чем десяти лет — вступит в силу, в конечном счете обязанность по выплате ей соответствующей части ее пенсии будет лежать на Латвии. Она также подчеркнула, что какие-либо правовые основания для того, чтобы ее пенсия была обеспечена Россией или Украиной, отсутствуют, так как вся ее профессиональная карьера имела место на территории Латвии.

2. Доводы государства-ответчика

66. Государство-ответчик утверждает, что статья 1 Протокола № 1 к Конвенции неприменима к пенсии, исчисленной на основе периода до 1991 года. В связи с этим оно ссылается на основания, приводимые Конституционным судом Латвии в постановлении от 26 июня 2001 г. (см. выше, пункт 37 настоящего постановления), и соглашается с ними. Государство-ответчик подчеркивает необходимость провести четкое разграничение между системой трудовых пенсий, существовавшей до 1 января 1991 г., и системой, введенной впоследствии. Ныне существующая система основана на контрибуционном принципе, то есть на индивидуальных взносах. Взносы каждого лица формируют, таким образом, определенную долю пенсионного фонда, и точный размер этой доли может быть определен в любой момент. Следовательно, все лица, делающие взносы, имеют достаточно весомое право на свою долю в фонде, чтобы его можно было охарактеризовать как «имущество» по смыслу положений статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

67. Ранее существовавшая система, напротив, была основана не на взносах, но на принципе «солидарности поколений», который подразумевал обязанность общества в целом и характеризовался отсутствием непосредственной связи между размером пенсий, получаемых благополучателями, и размером взносов, уплачиваемых их работодателями. Поэтому государство-ответчик не согласно с тем, что у заявительницы было «обоснованное ожидание», создающее имущественное право в целях применения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. При ранее действовавшей

системе индивиды не обладали правом претендовать на строго определенный, идентифицируемый размер трудовой пенсии; они могли лишь иметь смутные надежды на то, что государство выделит им некоторую сумму, насколько это позволяет бюджет. Более того, даже если в этом отношении и существовало определенное ожидание, оно сохраняло значение только в контексте единого государства, СССР, которое прекратило свое существование и правопреемницей которого Латвия не является. Следовательно, правопритязание заявительницы по настоящему делу не было в достаточной степени весомым, чтобы считаться «имуществом» по смыслу положений статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Поэтому эта статья неприменима к той части трудовой пенсии, которая была исчислена на основе трудового стажа до 1991 года, и статья 14 Конвенции так же аналогичным образом неприменима.

68. Государство-ответчик признаёт, что в постановлении Европейского Суда по делу «Куа-Пуарре против Франции» [*Koua Poirrez v. France*] (жалоба № 40892/98), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2003-X Суд отказался проводить различие между социальными пособиями, основанными на индивидуальных взносах, и не основанными на них, придя к выводу, что статья 1 Протокола № 1 к Конвенции применима и к последней категории, и, следовательно, что имело место нарушение статьи 14 Конвенции. Однако, по мнению государства-ответчика, между настоящим делом и делом «Куа-Пуарре против Франции» имеются значительные различия. Во-первых, государственная пенсия, на которую претендует заявительница по настоящему делу, не имеет характера «экстренной помощи», так как не является ее единственным источником дохода. Во-вторых, г-ну Куа-Пуарре просто отказали в получении пособия, за которым он обратился, в то время как г-жа Андреева получила трудовую пенсию в определенном размере.

69. Государство-ответчик отметило, что в своем постановлении от 6 октября 1999 г. Сенат Верховного суда Латвии признал, что работа на предприятии, зарегистрированном за пределами латвийской территории, хотя и при нахождении физически в Латвии, не может считаться «занятостью на территории Латвии» в значении пункта 1 переходных положений Закона «О государственных пенсиях». По мнению государства-ответчика, такое толкование было совершенно разумным, учитывая, что в соответствующий период трудовые отношения, в которых состояла заявительница, не регулировались законодательством Латвийской ССР. Государство-ответчик указало, что обсуждаемое законодательное положение основано на территориальном принципе; соответственно, периоды занятости на предприятиях всесоюзного значения, «которые находились под территориальной юрисдикцией Латвийской ССР», в настоящее время принимаются во внимание при исчислении пенсий. Правила от 23 апреля 2002 г. (№ 165 — см. выше, пункт 36 настоящего постановления) лишь подтвердили сложившуюся практику толкования обсуждаемой нормы. Более того, в своем решении от 11 июля 2006 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения настоящего дела по существу сам Европейский Суд указал, что «толкование судами Закона «О государственных пенсиях» по настоящему делу не может считаться явно произвольным или неразумным». Таким образом, критерий законности в деле заявительницы был соблюден.

70. Даже если предположить, что статья 14 Конвенции применима к настоящему делу, государство-ответчик убеждено, что различие в обращении, ставшее предметом жалобы, находится в широких рамках усмотрения, предоставляемого государствам для регулирования своей социальной политики. Государство-ответчик полагает, что Европейский

Суд должен принять во внимание особый контекст дела, который связан с процессом восстановления независимости Латвии — процессом, частью которого была и реформа социальной политики. Властям Латвии необходимо было заложить основы новой системы социального обеспечения, включая страхование пенсии по старости, и установить верхний предел расходов, которые был способен понести латвийский бюджет в отношении социальных выплат прекратившего свое существование Советского Союза. В связи с этим государство-ответчик ссылается на вывод Конституционного Суда Латвии о том, что в соответствии с нормами международного права в сфере правопреемства государств Латвия взяла на себя обязательства учитывать периоды занятости на латвийской территории всех постоянно проживающих на этой территории лиц вне зависимости от их гражданства.

71. Что касается периодов занятости за пределами страны, государство-ответчик полагает, что Латвия не обязана их учитывать. Если, несмотря ни на что, она приняла бы решение это сделать, сохранив при этом дополнительные гарантии для своих граждан, такое решение не могло бы считаться противоречащим требованиям статьи 14 Конвенции. Ввиду финансового бремени, возложенного на Латвию, и ограниченных возможностей ее государственного бюджета, нельзя считать неразумным то, что она взяла на себя полную ответственность только за выплату пенсий своим гражданам. Тем не менее, несмотря на то, что заявительница не имела права на трудовую пенсию в отношении ее занятости на «российских» и «украинских» предприятиях, она получила ряд социальных льгот, которые компенсировали ей это неудобство и повысили ее уровень жизни. Коротко говоря, как считает государство-ответчик, латвийские власти достигли баланса между публичными интересами и частными интересами заявительницы; таким образом, имеет место разумное соотношение между средствами, к которым прибегло государство-ответчик, и целями, к достижению которых оно стремилось.

72. Кроме того, государство-ответчик указало, что, в отличие от г-на Куа-Пуарре, которому было отказано во французском гражданстве, заявительница имела возможность стать натурализованной гражданкой Латвии в любой момент. Если она это сделала бы, спор, возникший по настоящему делу, был бы автоматически разрешен в результате перерасчета ее пенсии. Перерасчет вступил бы в силу ретроспективно, но это никоим образом не противоречило бы Конвенции, которая не налагает на Договаривающиеся Стороны обязательства предоставлять права с обратной силой. Таким образом, государство-ответчик полагает, что в возникновении ситуации, ставшей предметом жалобы, виновна сама заявительница, которая отказалась подавать документы на натурализацию, хотя имела на это право с 1998 года. Чем раньше она сделала бы это, тем скорее она начала бы получать желаемую часть пенсии.

73. Наконец, государство-ответчик утверждает, что учет периодов занятости за пределами территории Латвии — это вопрос, который необходимо решать с помощью межгосударственных соглашений по вопросам социального обеспечения. Оно указало, что такие соглашения были уже заключены с несколькими государствами, а аналогичное соглашение с Российской Федерацией было недавно принято парламентами обоих заинтересованных государств. Согласно предоставленным государством-ответчиком статистическим данным, если соглашение вступило бы в силу с 1 января 2009 г., оно могло бы быть применено по отношению к 17 104 пенсионерам, включая 16 850 «постоянно проживающих в стране неграждан». К этой цифре впоследствии ежегодно прибавлялось бы приблизительно 1696 вновь выходящих на пенсию лиц.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

1. Вопрос о применимости статьи 14 Конвенции

74. Европейский Суд напоминает, что статья 14 Конвенции не может существовать сама по себе, так как она действует только в отношении прав и свобод, охраняемых другими материально-правовыми положениями Конвенции и Протоколов к ней (см. среди многих других прецедентов по данному вопросу постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Берден против Соединенного Королевства» [*Burden v. the United Kingdom*] (жалоба № 13378/05), § 58, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2008 — ...). Применение статьи 14 Конвенции не обязательно предполагает нарушение одного из материальных прав, гарантируемых Конвенцией. Необходимо — но также и достаточно — чтобы фактические обстоятельства дела находились «в пределах сферы действия» одного или более соответствующих положений (см. среди многих других прецедентов по данному вопросу постановление Европейского Суда от 16 сентября 1996 г. по делу «Гайгусуз против Австрии» [*Gaygusuz v. Austria*], § 36, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-IV; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тхлимменос против Греции» [*Thlimmenos v. Greece*] (жалоба № 34369/97), § 40, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-IV; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Куа-Пуарре против Франции», § 36). Таким образом, запрещение дискриминации, содержащееся в статье 14 Конвенции, выходит за пределы прав и свобод, гарантировать которые требуют от каждого государства Конвенция и Протоколы к ней. Оно распространяется и на те дополнительные права, находящиеся в общей сфере действия любой из статей Конвенции, которые государство решило предоставить дополнительно (см. упоминавшееся выше решение Большой Палаты Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалоб, поданных Стэк и другими заявителями против Соединенного Королевства, § 40).

75. Таким образом, необходимо определить, попадает ли в «сферу действия» или «область применения» статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции интерес заявительницы, состоящий в получении пенсии по старости от Латвии на основании ее занятости на предприятиях, находившихся на территории СССР, но за пределами Латвии.

76. Государство-ответчик придает в контексте настоящего дела существенное значение различию между советскими пенсиями, которые выплачивались государством из общих бюджетных ресурсов в соответствии с принципом «солидарности поколений», и системой, постепенно вводившейся с 1991 года и основанной на индивидуальных взносах каждого благополучателя. Европейский Суд отмечает в связи с этим, что в упомянутом выше решении по жалобам Стэк и других заявителей против Соединенного Королевства (пункты 47–53 настоящего постановления) он отказался от проведения различия между социальными выплатами, основанными на индивидуальных взносах, и не основанных на них, в целях оценки применимости статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции; с этого момента при создании государством пенсионной системы вытекающие из нее индивидуальные права и интересы относятся к сфере действия данной нормы вне зависимости от уплаты взносов и средств, за счет которых финансируется пенсионная система.

77. Европейский Суд также ранее пришел к выводу о том, что все принципы, применимые в целом по делам, касающимся статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, равным образом остаются в силе, когда речь идет о мерах социаль-

ной поддержки (там же, § 54). Так, статья 1 Протокола № 1 не гарантирует сама по себе какое-либо право стать собственником имущества (см. постановление Европейского Суда от 23 ноября 1983 г. по делу «Ван дер Мусселе против Бельгии» [*Van der Musselle v. Belgium*], серия «А», № 70; решение Большой Палаты Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 48321/99, поданной Сливенко [*Slivenko*] против Латвии, § 121, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2002-II; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Копецки против Словакии» [*Kopecký v. Slovakia*] (жалоба № 44912/98), § 35 (b), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-IX). Не гарантирует она сама по себе и какого-либо права на определенный размер пенсии (см., например, постановление Европейского Суда по делу «Кьяртан Асмундссон против Исландии» [*Kjartan Ásmundsson v. Iceland*] (жалоба № 60669/00), § 39, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-IX; решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 34610/97, поданной Домалевским [*Domalewski*] против Польши, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-V; решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 43440/98, поданной Янковичем [*Janković*] против Хорватии, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-X). Аналогичным образом не гарантировано и право получать пенсию на основании деятельности, осуществлявшейся в государстве, отличном от государства-ответчика (см. решение Европейского Суда от 18 апреля 2002 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 39802/98, поданной L.V. против Австрии). Более того, статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не налагает никаких ограничений на свободу государства, ратифицировавшего Конвенцию, принимать решение о том, создавать ли какую-либо схему социального обеспечения, или выбирать тип или размер выплат, предоставляемых в соответствии с любой такой схемой. Однако если в государстве существуют действующие законодательные нормы, предусматривающие такие выплаты на основе права на социальную поддержку — вне зависимости от того, обусловлены ли они предшествовавшей уплатой взносов — эти нормы следует считать создающими имущественный интерес, попадающий в сферу действия статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции для лиц, соответствующих предъявляемым к благополучателям требованиям (см. упоминавшееся выше решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалоб Стэк и других заявителей против Соединенного Королевства, § 54).

78. Государство-ответчик утверждает, что с точки зрения международного публичного права Латвия не стала преемницей Советского Союза в том, что касается его прав и обязательств в сфере мер социальной поддержки. Учитывая свои выводы в упоминавшемся выше решении по жалобам Стэк и других заявителей против Соединенного Королевства, Европейский Суд полагает, что этот аргумент не имеет значения в настоящем деле. Даже если предположить правоту государства-ответчика по данному вопросу, это не повлияет на вывод, который необходимо сделать по настоящему делу: в случае, когда государство по собственной инициативе решает выплачивать пенсии на основании периодов занятости за пределами его территории, тем самым создавая достаточно определенную правовую основу в национальном законодательстве, предполагаемое право на получение таких выплат попадает в сферу дей-

ствия статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. В связи с этим Суд отмечает, что первый пункт переходных положений латвийского Закона «О государственных пенсиях» создает право на пенсию по старости на основании трудового стажа, полученного до 1991 года на территории бывшего СССР («за пределами Латвии» в редакции, действовавшей до 1 января 2006 г.), вне зависимости от уплаты каких-либо взносов — но оставляет это право только за латвийскими гражданами. В силу этого положения заявительнице было отказано в рассматриваемой пенсии исключительно потому, что она не имела латвийского гражданства.

79. Как указал Европейский Суд в упомянутом выше решении по жалобам Стэк и других заявителей против Соединенного Королевства, «в случаях, таких как настоящий, касающихся жалоб, поданных на нарушение требований статьи 14 Конвенции в сочетании с требованиями статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с тем, что заявителю было отказано, полностью или частично, в мере социальной поддержки по дискриминационному основанию, которое входит в сферу действия статьи 14, основной вопрос состоит в том, имел ли бы заявитель право, обеспеченное национальным законодательством, на получение соответствующей поддержки, если бы не условие для получения такого права, которое обжалует заявитель <...>. Хотя статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не содержит права получать какие-либо социальные выплаты, если государство решает создать схему социальных льгот, оно должно сделать это так, чтобы не нарушать требований статьи 14 Конвенции» (там же, § 55).

80. Следовательно, имущественные интересы заявительницы попадают в сферу действия статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и права беспрепятственно пользоваться своим имуществом, которое она защищает. Этого достаточно для признания применимости статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

2. По вопросу о соблюдении требований статьи 14 Конвенции

81. Согласно установившейся прецедентной практике Европейского Суда дискриминация означает различное обращение, без объективного и разумного обоснования, с лицами, находящимися в сходной ситуации. Фраза «без объективного и разумного обоснования» означает, что проводимое различие не преследует «правомерной цели» или что отсутствует «разумное соотношение между примененными средствами и целью, которую предполагается достичь» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «D.H. и другие заявители против Чешской Республики» [*D.H. and Others v. the Czech Republic*] (жалоба № 57325/00), § 175 и 196, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2007 — ..., а также прецеденты, на которые ссылается Суд в указанном постановлении).

82. Высоким Договаривающимся Сторонам предоставляется определенная свобода усмотрения для оценки того, оправдывают ли различия в ситуациях, которые в остальном аналогичны, различное обращение с людьми, и если да, то до какой степени (см. постановление Европейского Суда по делу «Гайгусуз против Австрии», упоминавшееся выше, § 42, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тхлимменос против Греции», упоминавшееся выше, § 40). Широта этой свободы усмотрения может меняться в зависимости от обстоятельств, существа дела и его предыстории. Так, например, статья 14 Конвенции не препятствует тому, чтобы государство обращалось с различными группами по-разному с целью коррекции «фактического неравенства» между ними; более того, при определенных обстоятельствах принятие каких-либо мер

для того, чтобы попытаться скорректировать неравенство посредством различного обращения, может — в отсутствие объективного и разумного обоснования — стать причиной нарушения требований указанной статьи (см. упоминавшееся выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тхлимменос против Греции», § 44; упоминавшееся выше решение Большой Палаты Европейского Суда по жалобам Стэк и других заявителей против Соединенного Королевства § 51).

83. Аналогичным образом, широкая свобода усмотрения обычно предоставляется государству Конвенцией, когда речь идет об общих мерах экономической или социальной стратегии. Благодаря непосредственному знанию своего общества и его потребностей национальные власти в принципе обладают большими, чем судья международно-судебного органа, возможностями определить, что составляет публичный интерес в социально-экономической сфере, и Европейский Суд обычно уважает политический выбор законодательной власти страны, если нельзя сказать, что он «явно не имеет разумного обоснования» (см., например, постановление Европейского Суда от 23 октября 1997 г. по делу «Компания “Нешнл энд провиншиал билидинг сосаети” и другие заявители против Соединенного Королевства» [*National and Provincial Building Society and Others v. the United Kingdom*], § 80, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1997-VII; упоминавшееся выше решение Большой Палаты Европейского Суда по жалобам Стэк и других заявителей Соединенного Королевства, § 52). В более общем плане Суд пришел к выводу о том, что положения Конвенции не препятствуют тому, чтобы государства вводили посредством законодательных мер схемы государственной политики, в рамках которых устанавливаются различия в обращении между определенной категорией или группой лиц и всеми иными лицами — при условии, что вмешательство в реализацию прав законодательно определенной категории или группы в целом может быть оправданно с точки зрения требований Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» [*Ždanoka v. Latvia*] (жалоба № 58278/00), § 112, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2006-IV).

84. Наконец, в том, что касается вопроса о бремени доказывания в связи со статьей 14 Конвенции, Европейский Суд ранее установил, что после того, как заявителю удалось доказать наличие различия в обращении, государство-ответчик должно продемонстрировать, каким образом оно было оправданно (см. упоминавшееся выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «D.H. и другие заявители против Чешской Республики», § 177).

85. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд прежде всего отмечает, что в своих решениях от 4 мая и 6 октября 1999 г. соответственно Рижский окружной суд и Сенат Верховного суда пришли к заключению о том, что работа заявительницы на предприятии, зарегистрированном за пределами Латвии, несмотря на его физическое нахождение на латвийской территории, не являлась «занятостью на территории Латвии» в значении, придаваемом этому термину Законом «О государственных пенсиях». Стороны не пришли к согласию в вопросе о том, могло ли такое толкование представляться на тот момент разумным или, напротив, оно было явно произвольным, особенно в связи с тем, что до 2002 года не существовало ни одного нормативного правового акта, содержащего толкование указанного положения (см. выше, пункты 36 и 62 настоящего постановления). С учетом выводов, изложенных выше, Суд не считает необходимым рассматривать данный вопрос отдельно.

86. Европейский Суд согласен с тем, что различие в обращении, ставшее предметом жалобы, преследует как минимум одну правомерную цель, которая в целом совместима с общими целями Конвенции, а именно цель защиты экономической системы страны. Стороны не оспаривают того, что после восстановления независимости Латвии и последующего распада СССР латвийские власти столкнулись с множеством проблем, связанных как с необходимостью создания жизнеспособной системы социального обеспечения, так и с ограниченными возможностями государственного бюджета. Кроме того, тот факт, что норма, о которой идет речь, была введена лишь в 1995 году, четыре года спустя после того, как независимость Латвии была полностью восстановлена, не является решающим в настоящем деле. Неудивительно, что вновь созданной демократической законодательной власти понадобилось время для размышлений в период политической нестабильности, чтобы понять, какие меры были необходимы для обеспечения экономического процветания страны. Следовательно, было бы неверно заключить, что тот факт, что Латвия ввела различие в обращении только в 1995 году, демонстрирует, что само государство не считало данную меру необходимой для защиты национальной экономики (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии», § 131).

87. Стается определить, имело ли место разумное соотношение между вышеуказанной правомерной целью и средствами, примененными в обстоятельствах настоящего дела. В связи с этим Европейский Суд отмечает, что будучи «постоянно проживающей в стране негражданкой», заявительница законно проживает в Латвии на постоянной основе и получает пенсию на основании ее занятости «в Латвии», то есть на предприятиях, зарегистрированных на латвийской территории. Отказ национальных властей учесть годы ее занятости «за пределами Латвии» основан исключительно на том соображении, что она не имеет латвийского гражданства. Стороны по настоящему делу не оспаривают, что латвийский гражданин, находясь в том же положении, что и заявительница, проработав на том же предприятии в течение того же периода времени, получил бы оспариваемую часть пенсии по старости. Более того, стороны согласны и в том, что, если заявительница стала бы натурализованной гражданкой Латвии, она автоматически получила бы пенсию с учетом всего ее трудового стажа. Таким образом, гражданство является единственным критерием для проведения различия, ставшего предметом жалобы. Однако Суд уже устанавливал ранее, что для того, чтобы он мог счесть различие в обращении, основанное исключительно на признаке гражданства, совместимым с требованиями Конвенции, должны быть приведены очень веские причины (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Гайгусуз против Австрии», § 42; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Куа-Пуарре против Франции», § 46).

88. Европейский Суд не может обнаружить таких причин по настоящему делу. Во-первых, не было установлено, или даже заявлено, что заявительница не выполнила другие установленные законодательством требования, дающие ей право на получение пенсии с учетом всех лет ее трудового стажа. Следовательно, она находилась в объективно сходной ситуации с лицами, имеющими такой же или схожий трудовой стаж, но признанными после 1991 года гражданами Латвии. Во-вторых, нет доказательств тому, что в советские годы существовало какое-либо различие в обращении между гражданами СССР в отношении их пенсий; более того, государство-ответчик никак не оспорило утверждение заявительницы о том, что советский социальный налог уплачивался и администрировался аналогичным образом

для всех работников вне зависимости от их национального происхождения или места рождения (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда по делу «Лучак против Польши» [*Luczak v. Poland*] (жалоба № 77782/01), § 49 и 55, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2007 — ...). В-третьих, Суд обращает внимание на существенное отличие заявительницы от г-на Гайгусуза и г-на Куа-Пуарре: в настоящее время она не является гражданкой какого-либо государства. Она имеет статус «постоянно проживающей в стране негражданки» Латвии, единственного государства, с которым она имеет какие-либо стабильные правовые связи, и, таким образом, единственного государства, которое, с объективной точки зрения, может взять на себя ответственность за нее в том, что касается социального обеспечения.

89. При этих обстоятельствах, хотя и учитывая широкую свободу усмотрения, предоставляемую государству в сфере социального обеспечения, представленные государством-ответчиком аргументы недостаточны для того, чтобы убедить Европейский Суд в том, что по настоящему делу имело место «разумное соотношение», которое бы обеспечило совместимость различия в обращении, ставшего предметом жалобы, с требованиями статьи 14 Конвенции.

90. Государство-ответчик придерживается позиции, согласно которой учет периодов занятости является вопросом, который должен разрешаться посредством двусторонних межгосударственных соглашений по вопросам социального обеспечения. Европейский Суд, со своей стороны, полностью отдает себе отчет в значении таких соглашений для эффективного разрешения таких проблем, как возникшая по настоящему делу. Однако Суд повторяет, что, ратифицируя Конвенцию, государство-ответчик приняло на себя обязательство обеспечить «каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией» права и свободы, ею гарантированные. Соответственно, по настоящему делу латвийское государство не может быть освобождено от своих обязательств в соответствии со статьей 14 Конвенции на том основании, что оно не имело или не имеет юридически обязывающих соглашений по вопросам социального обеспечения с Украиной и Россией (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Гайгусуз против Австрии», § 51; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Куа-Пуарре против Франции», § 46).

91. Наконец, Европейский Суд не может согласиться с аргументом государства-ответчика о том, что для заявительницы было бы достаточно стать натурализованной гражданкой Латвии для того, чтобы получить пенсию, на которую она претендует, в полном размере. Запрет дискриминации, закрепленный в статье 14 Конвенции, имеет смысл только тогда, когда в каждом конкретном случае личное положение заявителя по отношению к признакам, перечисленным в этой статье, принимается во внимание точно в соответствии с реальным положением дел. Действовать иначе, не удовлетворив правопритязания заявителя на том основании, что он должен был предотвратить дискриминацию, изменив один из таких факторов — например, получив гражданство страны — сделало бы статью 14 Конвенции лишеной всякого смысла.

92. С учетом вышесказанного Европейский Суд приходит к выводу о том, что по настоящему делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 14 Конвенции в сочетании с требованиями статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

93. Заявительница также утверждала, что проведение судебного заседания в Сенате Верховного суда раньше

назначенного времени, лишившее ее возможности принять участие в рассмотрении кассационного представления, поданного прокурором от ее имени, было нарушением ее прав, гарантированных пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Относящаяся к делу часть пункта 1 статьи 6 гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях <...> имеет право на справедливое <...> разбирательство дела <...> судом <...>».

А. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

94. Заявительница утверждала, что ее право на справедливое разбирательство ее дела в Сенате Верховного суда было нарушено. Тот факт, что в ходе кассационного разбирательства рассматривались только вопросы права, не имеет значения в ее деле, так как спор между сторонами касался именно правовых вопросов. Не оспаривается, что судебное заседание было назначено в связи с представлением прокурора, но он принял участие в процессе только по требованию представителя заявительницы. В любом случае, право на судебное слушание дела явно гарантировано Гражданским процессуальным кодексом, и заявительница была сама вправе решать, представлять ли ей свои доводы в Сенате.

95. Государство-ответчик, во-первых, указало, что уже невозможно проверить правдивость утверждений заявительницы, так как протокол рассматриваемого судебного заседания уже уничтожен. В любом случае, оно оспаривало, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции. Во-первых, государство-ответчик указало, что в силу специфической природы кассационного рассмотрения дела, которое ограничено вопросами права, участие заявителя в слушании не всегда является обязательным. Во-вторых, представление, рассмотренное 6 октября 1999 г., было подано прокурором, который занимал позицию, аналогичную позиции заявительницы. Поэтому государство-ответчик утверждало, что прокурором были озвучены доводы, похожие на те, которые выдвинула бы заявительница, или даже идентичные им. Также в своем решении Сенат провел достаточно подробный анализ данных доводов. По этой причине отсутствие заявительницы в судебном заседании не могло повлиять на результат судебного разбирательства.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

96. Европейский Суд отмечает, что право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции, включает в себя право сторон на судебное слушание, в котором они могут представить любые доводы, которые считают относящимися к их делу. Поэтому на это право может ссылаться каждый, кто считает, что вмешательство публичных властей в осуществление одного из его гражданских прав незаконно, и жалуется на то, что у него не было возможности заявить об этом в судебный орган, соответствующий требованиям пункта 1 статьи 6 (см. постановление Европейского Суда по делу «Каньете де Гоньи против Испании» [*Cañete de Goñi v. Spain*] (жалоба № 55782/00), § 34, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2002-VIII, а также приводимые в данном постановлении ссылки на другие прецеденты). Другим элементом более широкого понятия «справедливого разбирательства» по смыслу данной нормы является принцип равенства возможностей сторон, который требует наличия «справедливого баланса» между

сторонами: каждой стороне должна быть предоставлена разумная возможность представить свою позицию по делу на таких условиях, которые не ставили бы ее в существенно невыгодное положение по сравнению с оппонентом или оппонентами (см. наряду с другими прецедентами по данному вопросу постановление Европейского Суда по делу «Горраиз Лизаррага и другие заявители против Испании» [*Gorraiz Lizarraga and Others v. Spain*] (жалоба № 62543/00), § 56, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-III). Сюда относится и возможность сторон комментировать все замечания, поданные в суд, даже если они поданы независимым членом государственной юридической службы, с целью повлиять на решение суда (см., например, постановление Европейского Суда от 27 марта 1998 г. по делу «J.J. против Нидерландов» [*J.J. v. the Netherlands*], § 43, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports] 1998-II; постановление Европейского Суда от 11 января 2000 г. по делу «Куадрелли против Италии» [*Quadrelli v. Italy*] (жалоба № 28168/95), § 34).

97. Европейский Суд далее напоминает, что пункт 1 статьи 6 Конвенции не обязывает государства создавать кассационные или апелляционные суды. Однако если такие суды существуют, рассмотрение дел в них должны соответствовать гарантиям статьи 6 Конвенции, например в том, что у участников разбирательства должно быть эффективно реализуемое право на доступ к судам в случае спора об их гражданских правах и обязанностях (см. постановление Европейского Суда от 23 октября 1996 г. по делу «Компания “Услуги по подъему грузов” против Франции» [*Levages Prestations Services v. France*], § 44, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports] 1996-V; постановление Европейского Суда по делу «Анни ди Гуссола и другие заявители против Франции» [*Annoni di Gussola and Others v. France*], жалобы № 31819/96 и 33293/96, § 54, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-XI).

98. Наконец, Европейский Суд напоминает, что, как и другие содержательные положения Конвенции, пункт 1 статьи 6 предназначен для того, чтобы гарантировать не теоретические или иллюзорные, а практические и эффективные права (см. постановление Европейского Суда от 13 мая 1980 г. по делу «Артико против Италии» [*Artico v. Italy*], § 33, серия «А», № 37). В особенности это относится к пункту 1 статьи 6 в силу того, какое важное место в демократическом обществе занимает право на справедливое судебное разбирательство (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Правящий князь Лихтенштейна Ганс-Адам II против Германии» [*Prince Hans-Adam II of Liechtenstein v. Germany*] (жалоба № 42527/98), § 45, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2001-VIII). Следует также помнить о том, что практические препятствие может нарушать Конвенцию точно так же, как и юридическое (см. постановление Европейского Суда от 9 октября 1979 г. по делу «Эйри против Ирландии» [*Airey v. Ireland*], § 25, серия «А», № 32).

99. В данном деле сторонами не оспаривается, что законодательство Латвии, в частности статья 471 Закона «О гражданском процессе», гарантирует заявительнице право участвовать в открытом судебном заседании в Сенате Верховного суда (см. выше, пункт 40 настоящего постановления). Однако она не смогла осуществить данное право не в связи с собственным бездействием, а в силу того, что Сенат решил провести заседание по делу раньше запланированного времени. В этом отношении Европейский Суд неоднократно указывал, что процессуальные нормы созданы для того, чтобы обеспечить надлежащее отправление правосудия и соблюдение принципа правовой определенности.

ти, и что участники процесса вправе ожидать, что данные нормы будут соблюдаться (см. наряду с другими прецедентами по данному вопросу упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Каньете де Гоньи против Испании», § 36, а также постановления Европейского Суда по правам человека от 22 июня 2006 г. по делу «Гору против Греции (№ 3)» [*Gorou v. Greece (no. 3)*] (жалоба № 21845/03), § 27 и от 31 мая 2007 г. по делу «Михолапа против Латвии» [*Miholapa v. Latvia*] (жалоба № 61655/00), § 24). Этот принцип применим в обоих направлениях — не только в отношении участников судопроизводства, но и в отношении самих национальных судов.

100. Европейский Суд отмечает, что кассационное представление было подано не заявителем или ее представителем, а прокурором, действующим при Рижском окружном суде, в соответствии со статьей 90 Закона «О гражданском процессе». Государство-ответчик настаивало, что в данном конкретном деле позиция в пользу заявительницы, занятая прокурором, освободила Сенат от обязанности предоставить заявителю возможность принять участие в судебном заседании лично. Европейский Суд не считает данный аргумент убедительным. Действительно, статья 90 Закона «О гражданском процессе» дает прокурору право совершать некоторые процессуальные действия от имени стороны, а статья 2 Закона «О прокуратуре» предписывает прокурорам общую задачу защищать «законные права и интересы физических лиц» (см. выше пункты 40–41 настоящего постановления). Однако это не отменяет принцип о том, что основной функцией прокуратуры является представление интересов общества в целом, которые могут и не совпадать с интересами какой-либо из сторон в гражданском процессе (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 20 февраля 1996 г. по делу «Вермелен против Бельгии» [*Vermeulen v. Belgium*], § 29, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports*] 1996-I; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кресс против Франции» [*Kress v. France*] (жалоба № 39594/98), § 67–71, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2001-VI; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Гору против Греции (№ 3)», § 22). В любом случае из доказательств, представленных Суду, не следует, что по латвийскому праву прокурор, действующий таким образом, может представлять одну из сторон или заменить эту сторону в ходе судебного разбирательства.

101. Европейский Суд отмечает, что в своем постановлении от 11 января 2007 г. по делу «Гору против Греции (№ 4)» [*Gorou v. Greece (no. 4)*] (жалоба № 9747/04) он признал явно необоснованной жалобу заявительницы по пункту 1 статьи 6 Конвенции, касающуюся отказа апелляционного суда отложить слушание с тем, чтобы она могла в нем участвовать. Однако обстоятельства того дела в корне отличались от обстоятельств данного дела: г-жа Гору была гражданской истцей в уголовном процессе, возбужденном прокуратурой и проходившем в суде по уголовным делам, и Европейский Суд пришел к выводу о том, что права гражданского истца, «касающиеся принципа равенства возможностей сторон и состязательного судебного разбирательства не такие же, как у обвиняемого по сравнению с государственным обвинителем» (там же, § 26). Однако в настоящем деле г-жа Андрева была участницей административного разбирательства, регулируемого нормами Закона «О гражданском процессе» и возбужденного по ее требованию. Соответственно, ей, как основному действующему лицу в данном разбирательстве, должны были быть предоставлены все гарантии, вытекающие из принципа состязательности судопроизводства.

102. Подводя итог, Европейский Суд приходит к выводу о том, что тот факт, что кассационное представление было

подано прокуратурой, никоим образом не ограничивает право заявительницы присутствовать в судебном заседании по рассмотрению ее дела, то есть право, которое она не могла осуществить, несмотря на желание это сделать. Поэтому по настоящему делу было властями государства-ответчика было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции.

IV. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЕЙ 41 И 46 КОНВЕНЦИИ

103. Статьи 41 и 46 Конвенции гласят:

Статья 41

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

Статья 46

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

А. По вопросу о выплате компенсации за причиненный заявителю материальный ущерб и моральный вред

104. Заявительница, во-первых, требовала выплатить ей сумму в размере 1423 евро в качестве компенсации материального ущерба, причиненного нарушением требований статьи 14 Конвенции в совокупности с требованиями статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Она указала, что эта сумма соответствует 1000 лат, то есть разнице между пенсией по старости, которую она фактически получала после выхода на пенсию в августе 1997 г. и до октября 2006 г., и пенсией, которую она должна была бы получать, если бы не было допущено дискриминации, ставшей предметом ее жалобы. Заявительница пояснила, что при расчете этой суммы она принимала во внимание восемнадцать пересчетов базовой пенсионной суммы, которые имели место за это время, а также повышение пенсии после вступления в силу соглашения с Украиной (см. выше, пункты 21–22 настоящего постановления).

105. В отношении компенсации морального вреда, причиненного заявителю, она определила его как «чувство разочарования и беспомощности, стресс, длительное беспокойство и финансовая нестабильность из-за нарушения Конвенции на протяжении почти 11 лет — с момента ее первого заявления о получении пенсии по старости». По ее словам, в связи с тем, что «исчисление морального вреда по существу невозможно, она ссылается на принцип справедливости, применяемый Европейским Судом». Она также указала, что понесла страдания в связи с невозможностью принимать участие в рассмотрении ее кассационной жалобы в Верховном суде. В частности, заявительница требовала выплатить ей следующие суммы в качестве компенсации морального вреда:

(а) 1000 евро в качестве компенсации вреда за предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;

(б) 5073 евро в качестве компенсации страданий и беспоконья, которые она испытывала в течение разбирательства по поводу ее развода и раздела имущества в 2002–2005 годах;

(с) 10 000 евро в качестве компенсации за ухудшение состояния здоровья в рассматриваемый период.

106. В дополнение к компенсации материального вреда путем присуждения справедливой компенсации, заявительница просила Европейский Суд — если он придет к выводу о наличии нарушения требований статьи 14 Конвенции в сочетании с требованиями статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции — указать властям государства-ответчика на то, что они «с момента принятия постановления должны пересчитать ее пенсию, принимая во внимание периоды работы в России».

107. Государство-ответчик указало, что решение вопроса о компенсации преждевременно, и требовало отложить решение этого вопроса в соответствии с пунктами 1 и 4 правила 75 Регламента Европейского Суда. Государство-ответчик утверждало, что власти Латвии, в частности Государственное агентство по социальному обеспечению, намного более компетентны в том, чтобы пересчитать и, если необходимо, проиндексировать размер ежемесячной пенсии заявительницы. В любом случае, государство-ответчик заявило, что, во-первых, Европейский Суд неправомочен присуждать заявительнице выплату компенсации материального ущерба, что касается ее работы на предприятии, находившемся в Украине (с 1973 по 1981 год), а во-вторых, что постановление Европейского Суда не должно иметь обратной силы.

108. В отношении компенсации морального вреда государство-ответчик оспаривало наличие причинно-следственной связи между нарушениями и вредом, указанным выше, в подпунктах «b» и «с» пункта 105. В отношении нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции государство-ответчик оставило вопрос на усмотрение Европейского Суда. Однако государство-ответчик добавило, что, по его мнению, вывод о наличии нарушения сам по себе является достаточной компенсацией любого морального вреда, который мог быть причинен заявительнице.

109. Наконец, государство-ответчик указало, что вопрос о точном исчислении пенсии заявительницы может быть намного эффективнее решен в ходе процедуры исполнения постановления Европейского Суда под надзором Комитета министров Совета Европы, в соответствии со статьей 46 Конвенции.

110. По мнению Европейского Суда, имеющиеся доказательства достаточны для того, чтобы сделать вывод о том, что вопрос о применении статьи 41 Конвенции готов для решения и, следовательно, должен быть рассмотрен. Суд прежде всего напоминает, что государство-ответчик свободно выбирать способы исполнения своих обязательств по статье 46 Конвенции, если эти способы соответствуют выводам, изложенным в постановлении Европейского Суда (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скодзари и Джунта против Италии» [*Scozzari and Giunta v. Italy*], жалобы № 39221/98 и 41963/98, § 249, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-VIII). Принимая во внимания особые обстоятельства дела, в частности недавнее принятие соглашения в области социального обеспечения между Российской Федерацией и Латвией законодательными органами обоих государств (см., выше, пункты 44–45 настоящего постановления), Суд полагает, что нет необходимости четко указывать, какие способы были бы оптимальны для обеспечения эффективной имплементации постановления в конкретной ситуации заявительницы.

111. Европейский Суд далее напоминает, что принцип, на котором основано присуждение выплаты справедливой компенсации, гласит, что заявитель должен, насколько это возможно, оказаться в ситуации, в которой он находился бы, если нарушение Конвенции не имело бы места (см., *mutatis*

mutandis, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кингсли против Соединенного Королевства» [*Kingsley v. the United Kingdom*] (жалоба № 35605/97), § 40, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2002-IV). Кроме того, обязательным условием для присуждения выплаты компенсации материального ущерба является наличие причинно-следственной связи между заявленным ущербом и нарушением (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии» [*Nikolova v. Bulgaria*] (жалоба № 31195/96), § 73, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 1999-II); это также распространяется на моральный вред (см. постановление Европейского Суда от 4 мая 2006 г. по делу «Кадикис против Латвии (№ 2)» [*Kadiķis v. Latvia (no. 2)*] (жалоба № 62393/00), § 67).

112. Не желая строить предположения о конкретной сумме пенсии, на которую у заявительницы было бы право, если нарушение статьи 14 Конвенции не имело бы места, Европейский Суд должен обратить внимание на то, что она, несомненно, понесла материальный ущерб, ей был причинен моральный вред. Вынося решение на основе принципа справедливости, как того требует статья 41 Конвенции, и принимая во внимание особые обстоятельства дела, Суд присуждает заявительнице 5000 евро в отношении всех видов вреда и ущерба (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Куа-Пураре против Франции», § 70).

В. По вопросу о возмещении понесенных заявительницей судебных издержек и расходов

113. При рассмотрении дела в Палате заявительница требовала выплатить ей 150 лат (евро 213) за «стоимость перевода», не представив никакого документального подтверждения своего требования. Она поддержала это требование при рассмотрении дела в Большой Палате, добавив следующие суммы:

(а) 307 лат 5 сантимов (436 евро 90 центов) в качестве возмещения расходов, понесенных ее представителем в ходе разбирательства дела в Большой Палате. В подтверждение этого требования заявительница представила два рукописных счета на латышском языке на суммы размером 257 лат 49 сантимов и на 49 лат 56 сантимов, а также версии этих счетов на английском языке. Эти два счета были выданы частным обществом с ограниченной ответственностью, и в них указывается представитель заявительницы в качестве получателя услуг. Версии счетов на латышском языке описывает оказанные услуги как «перевод» и «перевод с латышского языка на английский язык». Однако в версиях тех же счетов на английском языке указывается «подготовка документов для Суда европейских сообществ» (*sic*);

(б) 37 лат 88 сантимов (53 евро 90 центов) в качестве возмещения почтовых расходов, подтвержденных квитанцией из латвийской почтовой службы;

(с) расходы, понесенные в связи с участием двух ее представителей в слушании в Большой Палате, включая 820 лат (1166 евро 80 центов) за авиабилеты и евро 189 за проживание. Эти суммы не были подтверждены документально.

114. Государство-ответчик признало, что требования заявительницы были обоснованы только в части возмещения почтовых расходов. Оно указало, что остальные ее требования не были в должной мере обоснованы и не отвечали основным требованиям, изложенным в соответствующей прецедентной практике Европейского Суда.

115. Европейский Суд напоминает, что для получения права на возмещение судебных издержек и расходов в соот-

ветствии со статьей 41 Конвенции необходимо, чтобы сторона в действительности и по необходимости понесла их. В частности, пункт 2 правила 60 Регламента Европейского Суда указывает, что должен быть представлен подробный перечень всех требований с разбивкой по пунктам с приложением соответствующих подтверждающих документов, а в случае невыполнения этого требования Суд вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично. Кроме того, судебные издержки и расходы возмещаются только в той степени, в которой они касались выявленного нарушения (см., наряду со многими другими прецедентами по данному вопросу постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Иатридис против Греции» [*Iatridis v. Greece*] (вынесено по вопросу о справедливой компенсации) (жалоба № 31107/96), § 54, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECCHR*] 2000-XI; постановление Большой Палаты Европейского Суда от 28 мая 2002 г. по делу «Бейелер против Италии» [*Beyeler v. Italy*] (вынесено по вопросу о справедливой компенсации) (жалоба № 33202/96), § 27; постановление Европейского Суда по делу «Свипта против Латвии» [*Svipsta v. Latvia*] (жалоба № 66820/01), § 170, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECCHR*] 2006-III).

116. По настоящему делу Европейский Суд отмечает, что притязания заявительницы на возмещение судебных издержек и расходов явно не удовлетворяют этим требованиям, так как большинство из требуемых сумм не подтверждены никакими документами. Счета, указанные выше, в подпункте «а» пункта 113, сформулированы в слишком общих словах и не позволяют проверить точный характер оказанных услуг и их объективную необходимость в ходе разбирательства дела в Суде; более того, формулировки в версиях на латышском языке и английском языке совершенно различны. Тем не менее Суд согласен с тем, что в силу сложности дела заявительница понесла расходы, особенно в ходе рассмотрения дела в Большой Палате. При таких обстоятельствах, вынося решение на основе принципа справедливости, как того требует статья 41 Конвенции, Суд присуждает выплатить заявительнице сумму в размере 1500 евро в качестве возмещения судебных издержек и расходов, к чему надлежит прибавить сумму любого налога, подлежащего уплате с указанной суммы (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Свипта против Латвии»; постановление Европейского Суда по делу «Зайцев против Латвии» [*Zaicevs v. Latvia*] (жалоба № 65022/01), § 64, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECCHR*] 2007 — ...).

С. Процентная ставка при просрочке платежей

117. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. *отклонил* предварительные возражения государства-ответчика (вынесено единогласно);

2. *постановил*, что по настоящему делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 14 в сочетании с требованиями статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (вынесено шестнадцатью голосами «за» и одним голосом «против»);

3. *постановил*, что по настоящему делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции (вынесено единогласно);

4. *постановил* (вынесено шестнадцатью голосами «за» и одним голосом «против»):

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявительнице в течение трех месяцев следующие суммы, которые должны быть конвертированы в латвийские латы по курсу обмена на день выплаты:

(i) 5000 (пять тысяч) евро в качестве компенсации всего причиненного заявительнице ущерба и вреда, к чему надлежит прибавить сумму любого налога, подлежащего уплате с указанной суммы;

(ii) 1500 (одну тысяча пятьсот) евро в качестве понесенных заявительницей судебных издержек и расходов, к чему надлежит прибавить сумму любого налога, подлежащего уплате с указанной суммы;

(б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются и подлежат выплате заявителю штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента;

5. *оставил без удовлетворения* остальные требования заявительницы о выплате ей справедливой компенсации (вынесено единогласно).

Совершено на английском языке и на французском языке и оглашено в открытом судебном заседании по делу во Дворце прав человека, г. Страсбург, 18 февраля 2007 г.

Майкл О'Бойл,
заместитель
Секретаря-Канцлера
Европейского Суда

Жан-Поль Коста,
Председатель
Большой Палаты
Европейского Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему постановлению прилагается частично особое мнение судьи Зиемеле¹.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЗИЕМЕЛЕ

1. К моему сожалению, я не могу присоединиться к выводу Большой Палаты Европейского Суда о наличии по настоящему делу нарушения требований статьи 14 Конвенции в сочетании с требованиями статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

2. Восстановив свою независимость после пятидесяти лет незаконной оккупации, Латвийская Республика создала пенсионную систему, основанную на принципе личных взносов. В связи с тем, что на момент восстановления независимости Латвии никаких пенсионных фондов не существовало, Латвия решила гарантировать пенсии в минимальном размере всем своим жителям, включая заявительницу, по достижении пенсионного возраста, предусмотренного законом. Настоящее дело касается не базовой части пенсии; оно касается вопроса о том, ответственна ли Латвия за дающий право на получение пенсии дополнительный трудовой стаж, приобретенный вне пределов Латвийской Советской Социалистической Республики (Латвийской ССР) во времена Советского Союза. По моему мнению, государствами, ответственными за этот пенсионный период, являются Советский Союз и его

¹ Перевод частично особого мнения судьи Зиемеле был опубликован в 4-м номере журнала за 2009 год (примечание редакции).

правопреемник, Российская Федерация, которые собирали пенсионные отчисления.

3. Кроме того, Латвия решила, насколько это возможно, предоставлять право на пенсию с учетом совокупных лет работы в Советском Союзе. В этом контексте латвийский законодатель провел различие между двумя основными ситуациями, что касается граждан, работавших в советский период: (1) законодатель взял на себя полную ответственность в отношении латвийских граждан вне зависимости от того, где они работали в тот период, и (2) законодатель взял на себя ответственность в отношении «иностранных граждан и лиц без гражданства», которые работали на территории бывшей Латвийской ССР (см. пункт 35 постановления). Позднее была добавлена категория «неграждане» Латвии — особый правовой статус, созданный законом в 1995 году для лиц, приехавших в Латвию в советское время и еще не решивших вопрос о своем гражданстве¹. В результате лица без гражданства, иностранные граждане и неграждане, которые работали на предприятиях, находящихся вне Латвийской ССР, но проживали в Латвии во время восстановления независимости, не попали в эту систему. Вопрос, поставленный перед Европейским Судом, состоит в том, были ли переходные положения Закона «О государственных пенсиях» 1995 года (см. пункт 35 постановления), касающиеся неграждан, необоснованными и потому дискриминационными по смыслу положений Конвенции.

Обобщение основных мотивировок

4. Большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, применяя статью 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции к фактам дела и замечаниям сторон в деле, рассматривают переходные положения латвийского Закона «О государственных пенсиях» в отрыве от соответствующего международно-правового контекста. При толковании Конвенции в настоящем деле не было соблюдено основное правило толкования международных договоров. Это правило может быть изложено следующим образом: «Международный договор не может рассматриваться в отрыве от контекста. Кроме того, что он основан на социальных реалиях, его положения должны рассматриваться в контексте других правовых норм, с которыми они могут конкурировать» (см. работу: *Daillier D., Pellet A. Droit international public*. Paris. Librairie générale de droit et de jurisprudence. 2002. 7th ed., p. 266). Это приводит большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, к ряду ошибок, таких как игнорирование наиболее сравнимых с настоящим делом норм прецедентного права. Судьи не рассматривают должным образом природу предполагаемого права собственности, установленного переходными положениями, хотя во всех нормах прецедентного права, касающихся социальных выплат, Европейский Суд всегда это делал.

5. По моему мнению, в переходных положениях не было ничего неразумного, так как нельзя сказать, что Латвия ответственна за обещания СССР выплачивать пенсии или за то, что СССР не мог, а Российская Федерация не стала выполнять их. Кроме того, именно Латвия являлась жертвой

советской агрессии, и Европейский Суд обычно проводил различие между государствами или режимами, которые причиняли страдания, и государствами, которые по своей доброй воле, не будучи связанными никакими обязательствами, решили выплатить компенсацию, по меньшей мере частичную, за причиненный ущерб (см., *mutatis mutandis*², решение Европейского Суда от 4 сентября 2007 г. по вопросу о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу по делу «Национальная ассоциация ветеранов тюрем, интернирования и освободительной войны» и другие заявители против Германии» [*Associazione Nazionale Reduci dalla Prigionia dall'Internamento e dalla Guerra di Liberazione and Others v. Germany*] (жалоба № 45563/04), в котором на Германию не была возложена ответственность за ущерб, причиненный германским Рейхом; а также решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости жалобы № 22860/02 для ее рассмотрения по существу по делу «Вош против Польши» [*Woś v. Poland*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2005-IV, в котором было признано, что частичная компенсация за рабский труд в ходе Второй мировой войны не создавала дополнительного обязательства для Польши). По делу «Эпштейн и другие заявители против Бельгии» [*Epstein and Others v. Belgium*] (решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости жалобы № 9717/05 для ее рассмотрения по существу, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2008 — ...) предметом рассмотрения было именно различие, проведенное в законе 2003 года о жертвах войны по признаку гражданства. Оспаривавшаяся норма бельгийского закона гласила:

«1. Лица, которые

(1) проживали на территории Бельгии на 10 мая 1940 г.; и

(2) не имели бельгийского подданства на 10 мая 1940 г., получили его после этой даты и имели его на 1 января 2003 г. <...>

с 1 января 2003 г. имеют обеспечение в отношении пенсий и военных пенсий на тех же условиях и с использованием тех же процедур, что и лица, получившие статус политического заключенного».

Европейский Суд постановил, что по Конвенции нет обязательства возмещать ущерб, причиненный третьим государством, и что даже если государство решило это-то в этом направлении сделать, оно имеет широкую свободу усмотрения при установлении критерия, дающего право на компенсацию. Дело было признано неприемлемым в силу правила *ratione materiae*³. Необходимо также отметить, что в Бельгии возмещение причиненного ущерба производилось в форме предоставления пенсионного обеспечения.

6. На Латвийской Республике, как на независимом субъекте международного права, не лежало никакого обязательства распространять свою систему социальной защиты или возмещать потерю советской социальной защиты лицам, которые работали в Советском Союзе, другом субъекте международного права, правопреемником которого Латвия не является (см. в отношении Литвы решение Комиссии по правам человека от 9 сентября 1998 г. по делу «Ясинский

¹ По мнению Конституционного суда, статус «негражданина» в Латвии не может быть сравнен с каким-либо правовым статусом, известным в международно-правовых актах. Это особый статус, созданный национальным законодательством в качестве реакции на особую историческую ситуацию. С точки зрения объема прав, которыми наделены неграждане в соответствии с национальным законодательством Латвии, они не могут быть приравнены ни к гражданам, ни к иностранным гражданам, ни к лицам без гражданства — категории, часто используемые в практике государств (постановление Конституционного суда по делу № 2004-15-0106 от 7 марта 2005 г., § 15 и следующие за ним пункты постановления).

² *Mutatis mutandis* (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

³ *Ratione materiae* (лат.) — по причинам существа; ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения. По общему правилу Европейский Суд принимает к рассмотрению жалобы относительно предполагаемых нарушений лишь тех прав человека, которые закреплены в Конвенции (примечание редакции).

и другие заявители против Литвы» [*Jasinskij and Others v. Lithuania*] (жалоба № 38985/97), Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека [*Decisions and Reports*] 94). Однако в связи с тем, что распад государств сопровождается значительными сложностями, Латвия решила предоставить пенсии в минимальном размере всем проживающим в стране, как гражданам, так и негражданам, а также компенсировать потери, возникшие в результате прекращения существования СССР, на основе критериев гражданства и территории. Что касается Латвии, как было установлено в переходных положениях к Закону «О государственных пенсиях» 1995 года, компенсация осуществлялась в форме пенсионного обеспечения, предоставляемого государством при определенных условиях. Другими словами, гражданство не является критерием для получения пенсии; оно является критерием для предоставления дополнительных прав (см., *mutatis mutandis*, решение Европейского Суда от 1 июля 2008 г. по вопросу о приемлемости жалобы № 11375/05 для ее рассмотрения по существу по делу «Киреев против Молдавии и России» [*Kireev v. Moldova and Russia*], где только граждане Молдавии имели право на компенсацию).

7. В этом отношении большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, делает ошибку, говоря, что «заявительнице было отказано в рассматриваемой пенсии исключительно потому, что она не имела латвийского гражданства» (см. пункт 78 постановления). Ошибка состоит из двух частей. Заявительнице была предоставлена пенсия в минимальном размере, гарантированная государством, как и всем остальным. В этом праве ей не было отказано. Более того, Закон «О государственных пенсиях» 1995 года является только одним из законов, регулирующих социальное обеспечение по старости. Закон «О социальном обеспечении» устанавливает выплаты в том случае, если лицо не имеет полного права на пенсию по старости, гарантированную государством (как было объяснено Конституционным судом — см. пункт 37 постановления). Большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, полагают, что заявительница должна была получать пенсионное обеспечение, не рассматривая подробно природу переходных положений и контекст, в котором они были приняты. Необходимо указать в этом отношении, что Конвенция не гарантирует какого-либо права на компенсацию ущерба, если его изначальной причиной не является нарушение Конвенции, а также она не рассматривает в качестве собственности старое имущество, в отношении которого было невозможно осуществлять эффективный контроль, или притязание, обремененное условием, которое прекращает свое действие в результате невыполнения условия (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Правящий князь Лихтенштейна Ганс-Адам II против Германии» [*Prince Hans-Adam II of Liechtenstein v. Germany*] (жалоба № 42527/98), § 83 и 93).

8. Кроме того, Латвия участвует в активных переговорах по поводу соответствующих двухсторонних соглашений с теми государствами, которые по международному праву априори несут прямую ответственность за трудовой стаж в советский период. Достаточно сказать, что Латвия и Российская Федерация уже находятся на завершающих стадиях процесса заключения соглашения, касающегося ответственности каждого из государств в области социального обеспечения, включая и советский период.

9. Настоящее дело отлично от дела «Стэк и другие заявители против Соединенного Королевства» [*Stec and Others v. the United Kingdom*], на решение о приемлемости жалобы по которому опиралось большинство судей, составивших постановление по настоящему делу (жалобы № 65731/01 и 65900/01, § 74 и 76, Сборник постановлений и решений Ев-

ропейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2005-X), и от дела «Куа-Пуарре против Франции» [*Koua Poirrez v. France*] (жалоба № 40892/98), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2003-X), так как взаимодействующие друг с другом нормы международного права в настоящем деле иные. Несмотря на это, для полноты аргументации я обращусь к вопросу о приемлемости в настоящем деле принципов, установленных по делу «Стэк и другие заявители против Соединенного Королевства». Во-первых, я полагаю, что то, что Европейский Суд говорит — как в решении о приемлемости жалобы, так и в постановлении по существу дела «Стэк и другие заявители против Соединенного Королевства» — полностью соответствует подходу любого суда, занимающегося правами человека, а именно: если государство создаёт систему выплат, они не должны распределяться на основании дискриминационных критериев. Однако, и это продемонстрировано результатом рассмотрения дела «Стэк и другие заявители против Соединенного Королевства» (где не было признано нарушения статьи 14 Конвенции), Европейский Суд не отменил ни свободу усмотрения государства в осуществлении социальной политики, ни критерий «явной необоснованности» при оценке пропорциональности различий, проводимых в сфере социальной и экономической политики (см. постановление Большой Палаты Европейского суда по правам человека по делу «Стэк и другие заявители против Соединенного Королевства», § 52, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2006-VI). Ситуация также отличается тем, рассматриваем ли мы предполагаемую дискриминацию по признаку пола, как в деле «Стэк и другие заявители против Соединенного Королевства», или по признаку места жительства или гражданства. Это отличие верно подмечено в постановлении по делу «Карсон и другие заявители против Соединенного Королевства», в котором Европейский Суд указал, что «лицу не требуется столь же высокого уровня защиты от различий в обращении, основанных на этом признаке [месте жительства], который требуется в связи с различиями, основанными на врожденных характеристиках, таких как пол, расовая или этническая принадлежность» (см. постановление Европейского Суда от 4 ноября 2008 г. по делу «Карсон и другие заявители против Соединенного Королевства» [*Carson and Others v. the United Kingdom*] (жалоба № 42184/05), § 80, а также ниже, пункт 37 настоящего мнения). Другими словами, Европейский Суд не придерживается «абсолютистского» подхода в своей прецедентной практике применения статьи 14 Конвенции. В то время как большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, ссылаются на стандарт применения статьи 14 Конвенции из решения о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы по делу «Стэк и другие заявители против Соединенного Королевства» (см. пункт 79 постановления), который, по всей видимости, указывает на то, что любые различия автоматически дискриминационны, я отмечаю, что этот стандарт не был применен в постановлении по существу дела «Стэк и другие заявители против Соединенного Королевства».

10. Я сожалею, что большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, не обратились к ключевому вопросу, который оно поднимает. Учитывая, что оккупация и контроль над территорией нарушали нормы международного права, и что существует вытекающее из международного права обязательство положить конец незаконной ситуации, которая проистекает из того, что государство физически контролирует территорию (см. консультативное заключение Международного суда ООН по делу «Намибия (Юго-Западная Африка)» [*Namibia (South-West Africa)*], Сборник актов Международного суда ООН [*ICJ*]

Reports] 1971, § 117–118), может ли Конвенция требовать от пострадавшего государства нести ответственность за суммы пенсий, которые предположительно были заработаны на службе государства-нарушителя, если (а) эти средства остались у государства-нарушителя, и (б) пострадавшее государство гарантирует выплату пенсий в минимальном размере всем?

Рамки предмета спора

11. Государство-ответчик выдвинуло в Европейском Суде предварительное возражение, касающееся времени, в течение которого заявительница работала на всеоюзном предприятии «Оргхим», зарегистрированном в Украинской Советской Социалистической Республике (Украинской ССР). Государство-ответчик утверждало, что на момент подачи жалобы в Европейский Суд факты, представленные сторонами, указывали, что после подписания двустороннего соглашения между Латвией и Украиной в 1999 году заявительница получила право на перерасчет суммы пенсии с учетом времени работы, когда предприятие, которое базировалось в Украинской ССР, уплачивало соответствующие взносы в советский бюджет (см. пункт 25 постановления). В своих замечаниях от 2000 года заявительница уже прокомментировала аргумент государства-ответчика в отношении соглашения с Украиной, указав, что существование данного соглашения позволило ей увеличить сумму ее пенсии, но не получить выплаты ретроспективно (пункт 48 постановления).

12. Большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, считает, что государство-ответчик лишено права выдвигать это предварительное возражение на данной стадии, так как оно впервые было выдвинуто в его замечаниях по существу дела 20 октября 2006 г. после принятия 11 июля 2006 г. решения о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу (см. пункты 46 и 49 постановления). Необходимо также отметить, что в данных замечаниях, как государство-ответчик указало в своих замечаниях, поданных в Большую Палату, оно повторило, что о заключении соглашения с Украиной Европейскому Суду было известно в ходе всей процедуры, и это должно было быть частью изначальной оценки дела Судом, так как это относилось к вопросу о том, могла ли заявительница утверждать, что она являлась жертвой в отношении этой части своей жалобы. Обычно Суд оценивает наличие у заявителей статуса жертвы при изначальном установлении юрисдикции. Конечно, если этот вопрос тесно связан с существом дела, Европейский Суд действительно может так сказать.

13. Я считаю, что подход большинства судей в данном деле слишком формалистичен в том, что касается доктрины лишения права на возражение (противореча постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блечич против Хорватии» [*Blečić v. Croatia*] (жалоба № 59532/00), § 65–66, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2006–III), и избегает вопроса о ретроактивной или будущей природе имущественного права, поднятого заявительницей. Более того, в ходе рассмотрения дела в Большой Палате сторонам предлагалось высказаться по вопросу о статусе жертвы заявительницы, что касается ее трудоустройства на предприятии, находящемся в Украинской ССР. Большая Палата вправе вновь оценить предварительные возражения государства-ответчика. Она могла бы решить, что они связаны с существом дела,

что, в свою очередь, потребовало от Суда оценить, какова природа заявленного права, ретроактивная или будущая. Постановление Большой Палаты не дает четкого ответа на данный вопрос, оно лишь говорит, что данный вопрос будет рассмотрен в связи с вопросом о применении статьи 41 Конвенции. По этому пункту Европейский Суд отмечает, что заявительница понесла как материальный ущерб, так и моральный вред, и присуждает сумму, покрывающую весь «причиненный заявителю ущерб и вред». Теперь только читатель может догадываться о позиции Европейского Суда относительно природы данного права.

14. В постановлении рассматривается утверждение о «юрисдикции» Латвии в отношении действий, обжалуемых заявителем, как вопрос, относящийся к возражениям государства-ответчика по вопросу о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу (см. пункт 55 постановления). Государство-ответчик, пояснив, что ни бывшая Латвийская ССР, ни Латвийская Республика не имели никакого контроля над всеоюзными предприятиями, находившимися в бывшей Украинской ССР и Российской Социалистической Федеративной Советской Республике (РСФСР), на которых работала заявительница, просило Европейский Суд «признать, что данное дело находится вне юрисдикции Латвийской Республики по смыслу положений статьи 1 Конвенции» (см. замечания государства-ответчика, § 19). Конечно, строго говоря, это не вопрос юрисдикции, как Европейский Суд указывает государству-ответчику в этой части постановления, но это вопрос ответственности за события, имевшие место в СССР. Это с очевидностью является аргументом по существу дела, к выводу по которому большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, приходят двумя пунктами ниже (пункт 57 постановления), и который они в пункте 78 постановления отвергают без подробного рассмотрения как не имеющий значения для дела (см. ниже, пункт 16 настоящего мнения).

Применение Конвенции изолированно от международного права

15. Государство-ответчик пояснило, что причины различия, проведенного в переходных положениях Закона «О государственных пенсиях» 1995 года, связаны с тем, что Латвия не унаследовала прав или обязанностей Советского Союза. Латвия не является государством-правопреемником бывшего СССР (см. пункты 52 и 67 постановления). Это то же самое государство, которое было оккупировано Советским Союзом в 1940 году (см. пункт 52 постановления и устные представления государства-ответчика при рассмотрении дела в Большой Палате, § 23). Из этого следует, что какие нормы международного права ни применялись бы к внутригосударственным решениям после восстановления независимости, они происходили из запрета применения силы и *преемственности государств*¹. Заявительница не оспаривала аргумент о преемственности государств, но утверждала, что он не имеет отношения к делу, так как ее жизнь была такой же, как и у любого латвийского гражданина в советские времена. «Латвия, Россия и Украина были частями единого государства, Советского Союза» (см. пункт 59 постановления), и у нее должна быть такая же сумма пенсии, какую получали бы и латвийские граждане в той же ситуации (пункт 61 постановления).

16. Поразительная особенность данного постановления состоит в том, что оно игнорирует контекст распада Со-

¹ 26 августа 2001 г. Институт международного права принял руководящие принципы о преемственности государств по вопросам имущественных прав и долговых обязательств, где преемственность государств определяется следующим образом: «Преимственность означает, что юридическая правосубъектность по международному праву сохраняется, несмотря на изменения территории, населения, политического и правового режима и названия».

ветского Союза и особый статус Балтийских государств в международном праве, а именно их долгую, но в конечном итоге безуспешную оккупацию, в течение которой назрел спор между заявительницей и государством-ответчиком (см. обратную ситуацию в постановлении Большой Палаты Европейского Суда от 3 октября 2008 г. по делу «Ковачич и другие заявители против Словении» [*Kovačič and Others v. Slovenia*], жалобы № 44574/98, 45133/98 и 48316/99, § 256). Постановление Большой Палаты по настоящему делу идет еще дальше, указывая, что довод государства-ответчика о том, что оно не является преемником прав и обязанностей бывшего СССР в отношении социальных выплат, неверно (см. пункт 78 постановления).

17. Мотивировка, предложенная большинством судей по настоящему делу, далее гласит: «Даже если предположить правоту государства-ответчика по данному вопросу, это не повлияет на вывод, который необходимо сделать по настоящему делу: в случае, когда государство по собственной инициативе решает выплачивать пенсии на основании периодов занятости за пределами его территории, тем самым создавая достаточно определенную правовую основу в национальном законодательстве, предполагаемое право на получение таких выплат попадает в сферу действия статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции» (пункт 78 постановления). Это утверждение сомнительно по нескольким причинам. Во-первых, фраза «даже если предположить правоту государства-ответчика» неясна. Утверждает ли большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, что Латвия является новым правопреемником бывшего СССР? Выдвижение такой позиции Европейским Судом противоречило бы его собственному подходу по нескольким другим делам (например, постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» [*Ždanoka v. Latvia*] (жалоба № 58278/00), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2006-IV) и более относимому к данному делу упоминавшемуся выше мнению Комиссии по правам человека по делу «Ясинский и другие заявители против Литвы». Это противоречило бы также и позиции большинства специалистов по международному праву. Что бы здесь ни имелось в виду, именно в данном случае большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, должно было предпринять «усилия предложить компетентную правовую мотивировку», которые в целях толкования международного договора представляют собой «усилия по «системной интеграции» — а именно интеграции в системе принципов и презумпций, которые лежат в основе идеи межгосударственного правового порядка (ILC Study Group Report. *Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law*. UN Doc. A/CN.4/L.682, § 465). Необходимо отметить, что одним из основных принципов международного права, относящихся к данному делу, является принцип *ex injuria non jus oritur*¹, а также обязательство непризнания незаконной ситуации в качестве законной (см. ниже, пункт 22 настоящего мнения).

Кроме того, не подлежит сомнению, что закон, принимаемый государством — участником Конвенции, должен соответствовать Конвенции. Никто не оспаривает этот принцип. Однако сам по себе этот принцип далеко не ведёт, не предлагает он и определенных решений конкретных правовых вопросов. Государство-ответчик утверждает, что для целей толкования оспариваемой нормы национального законодательства необходимо принимать во внимание нормы международного права, относящиеся к ситуации преемственности государств, так как этот контекст побудил Латвию

принять конкретные решения. У Европейского Суда нет правомочия толковать национальное законодательство, но он толкует Конвенцию и при необходимости принимает во внимание международно-правовой контекст. Конечно, переходные положения Закона 1995 года должны соответствовать Конвенции, истолкованной в соответствии с общим правилом толкования международных договоров.

Когда конкретная норма национального законодательства увязывается с тем фактом, что государство не приняло на себя никаких обязательств относительно социальных выплат, обещанных другим государством, утверждение о том, что это не имеет отношения к делу, противоречит как тщательному рассмотрению обстоятельств дела, так и правилам толкования, используемым при применении Конвенции. Конечно, по другим делам, в которых были заявлены имущественные права, возникшие в контексте воссоединения Германии или распада Югославии, при применении Конвенции принимался во внимание конкретный контекст (см., например, решения Европейского Суда по правам человека по вопросу о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу по делам: «Янкович против Хорватии» [*Janković v. Croatia*] (жалоба № 43440/98), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2000-X; «Хаджич против Хорватии» [*Hadžić v. Croatia*], решение от 13 сентября 2001 г. по жалобе № 48788/99; «Швенгель против Германии» [*Schwengel v. Germany*], решение от 2 марта 2000 г. по жалобе № 52442/99).

Европейский Суд должен принимать во внимание преемственность государств

18. Европейский Суд при рассмотрении настоящего дела обязан принимать во внимание вопрос о распаде Советского Союза и вопрос о преемственности Латвии. Данная обязанность Суда проистекает из его собственной прецедентной практики и общего международного права. Суд уже давно указывает, что одним из основных принципов применения норм Конвенции является то, что он не применяет их в вакууме (см. постановление Европейского Суда от 18 декабря 1996 г. по делу «Лоизиду против Турции» [*Loizidou v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1996-VI). Объясняя более подробно свои правила толкования, Суд указал: «Кроме того, Суд никогда не рассматривал положения Конвенции в качестве единственной точки отсчета для толкования прав и свобод, закрепленных в ней. Напротив, он также должен принимать во внимание любые относящиеся к делу нормы и принципы международного права, применимые к отношениям между Договаривающимися Сторонами Конвенции» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 12 ноября 2008 г. по делу «Демир и Байкара против Турции» [*Demir and Baykara v. Turkey*] (жалоба № 34503/97), § 67).

19. Действительно, в связи с тем, что Конвенция остается международным договором (хотя и особой природы), нормы Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года устанавливают — в том, что касается международного права — основу для толкования Конвенции. Статья 31 Венской конвенции о праве международных договоров гласит, что кроме обычного значения термина, необходимо принимать во внимание и контекст его использования. Подпункт «с» пункта 3 статьи 31 поясняет: «Наряду с контекстом учитываются: <...> любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками». Также необхо-

¹ *Jus ex injuria non oritur* (лат.) — право не может возникнуть из правонарушения (примечание редакции).

димо отметить, что статья 31 озаглавлена «Общее правило толкования». Существует одно единственное правило толкования, состоящее из нескольких частей. Однако «<...> не все части будут всегда применимы во всех делах; но когда они применимы, они *должны* быть использованы» (French D. «Treaty Interpretation and the Incorporation of Extraneous Legal Rules» // *International and Comparative Law Quarterly*, 2006, p. 301). Конечно, дело не превратится в дело о применении силы между государствами или о праве правопреемства и преемственности государств (см., *mutatis mutandis*, особое мнение судьи Хиггинса по делу «Нефтяные платформы» [*Oil Platforms*], постановление Международного суда ООН от 6 ноября 2003 г., Сборник актов Международного суда ООН [ICJ], § 45–46). Оно все так же является делом, касающимся предполагаемого дискриминационного обращения в связи с реализацией предполагаемого права собственности после распада государства.

20. На практике Европейский Суд, как правило, внимателен к другим применимым нормам международного права при определении того, каким образом должны применяться положения Конвенции. Постановления по делам «Правящий князь Лихтенштейн Ганс-Адам II против Германии» (упоминается выше) и «Аль-Адсани против Соединенного Королевства» [*Al-Adsani v. the United Kingdom*] (жалоба № 35763/97), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2001-XI, среди прочих, являются известными тому примерами. Для всех этих дел, несмотря на то, что они поднимают разные вопросы международного права, общим является то, что на применение статей Конвенции значительно повлияли другие существующие нормы международного права.

21. Особый правовой статус Латвии после распада Советского Союза имеет отношение к настоящему делу как минимум на двух уровнях. Во-первых, Европейскому Суду необходимо сформулировать мнение о том, верен ли с точки зрения международного права аргумент Латвии о том, что она не является наследницей обязательств Советского Союза, включая обязательства в области социальных прав. Это необходимо для правильного понимания переходных положений Закона 1995 года, которые, в части предоставления имущественных прав, подпадают под действие статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. На неграждан, иностранцев и лиц без гражданства распространяет свое действие статья 1 Протокола № 1 к Конвенции только в той мере, в которой переходные положения наделяют эти группы тем или иным правом. Однако без оценки соответствующей международно-правовой нормы, касающейся приобретения прав в ситуациях восстановления независимости государства, сложно увидеть, права ли Латвия, утверждающая, что у нее не было обязательств делать что-либо большее. Даже если Латвия приняла бы законодательство, которое признавало «активы» по смыслу положений статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции за одними группами лиц, но не за другими, для того, чтобы определить объем обязательств Латвии по Конвенции, важно было бы рассмотреть, было ли это просто выражением доброй воли или это было сделано в силу обязательства Латвии обеспечить пенсию в ожидаемом размере (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу по делу «Эпштейн и другие заявители против Бельгии»). Во-вторых, аргумент, касающийся особого статуса Латвии по международному праву, относится к решению о том, обоснованно ли проведенное различие. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда по делам о применении статьи 14 Конвенции эти два уровня мотивировки тесно связаны.

Существуют ли соответствующие международные обязательства в случае незаконной аннексии?

22. В этом отношении важно помнить, что международное право остается применимой правовой системой, при необходимости предлагающей правила определения ее субъектов и изменений в них. В своем постановлении по делу «Илашку и другие заявители против Молдовы и России» Европейский Суд еще раз доказал, что он следует основным принципам международного права, касающимся ответственности государств за действия или бездействие в свете требований Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку и другие заявители против Молдовы и России» [*Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia*] (жалоба № 48787/99), § 320 и 322, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-VII). Задачей Суда не является — ни с использованием особой природы Конвенции, ни *подразумеваемым образом*, — выработка новых правил установления того, какие субъекты могут иметь права и обязанности для целей международного права. То, что Латвийская ССР была республикой Советского Союза, совсем не означает, что государство Латвия автоматически имеет какие-либо обязательства, распространяющиеся на ее территорию в ходе ее незаконной оккупации. Напротив, *высказывание или предположение о том, что Латвия автоматически имеет какие-либо обязательства, происходящие из советского периода, пренебрегли бы тем фактом, что оккупация и аннексия Латвии были незаконны по международному праву*, и поставили бы вопрос о соблюдении Европейским Судом общего принципа *ex injuria non jus oritur* и обязательства непризнания по международному праву (см. ниже, пункты 29 и 34–36 настоящего мнения).

23. Тот факт, что Латвия может взять на себя часть ответственности за то, что произошло на территории Латвийской ССР, не означает, что у нее есть обязательство сделать это. Как правило, такая ситуация имеет место, когда создаются новые государства и исчезают старые государства, когда необходимо определить ответственное государство, и в практике того или иного государства преобладает правило «начинать с чистого листа». Только путем значительных усилий в последние два или три десятилетия стали появляться некоторые нормы, оспаривающие подход в духе правила «начинать с чистого листа» (наряду со многими другими источниками по данному вопросу см.: *Dumberry P. State Succession to International Responsibility*. Leiden, Boston. Martinus Nijhoff Publishers. 2007. P. 52–58). В силу сложного характера этой области международного права в качестве основного принципа рассматривался принцип сотрудничества и межгосударственных переговоров, который был правильно поддержан Европейским Судом в постановлении по делу «Ковачич и другие заявители против Словении», хотя и проигнорирован в настоящем деле (см. выше, пункт 8 настоящего мнения).

24. Комиссия по рассмотрению взаимных претензий Эфиопии и Эритреи, совсем недавно созданный орган, рассматривающий претензии по поводу преемственности/правопреемстве государств, отметила, что в отношении обязательств выплачивать пенсии практика государств различна. В некоторых случаях после разделения унитарного государства, каждое из государств-правопреемников брало на себя ответственность за пенсии, которые должны были выплачиваться государством-предшественником лицам на территории государства-правопреемника. Комиссия по рассмотрению взаимных претензий Эфиопии и Эритреи отметила, что правило, установленное в «Деле о пенсии в г. Данциге» [*Danzig Pension Case*], все еще действительно. В этом деле высший суд г. Данцига распределил ответственность за пенсии на

основе гражданства получателя, признав государство-правопреемника, чье гражданство получатель пенсии принял, ответственным за выплату пенсий [*Ежегодный сборник прецедентов международного публичного права (1929 — 1930 годы). Том V, дело № 41*]. В той мере, в которой это дело может относиться к случаям незаконной аннексии (четкое исключение таких ситуаций из сферы кодификации права о государственном правопреемстве см. в сборнике: *Yearbook of the International Law Commission, 1999, vol. II (Part Two), p. 27*; см. также ниже, пункт 26 настоящего мнения), оно содержит элемент, который, особенно в современном мире прав человека, стал несколько менее важен. Однако это дело продолжает утверждать, что обладание гражданством значительно меняет ситуацию лица по сравнению с лицами без гражданства. В случае исчезновения государств гражданство приобретает особую важность. Это объясняет многочисленные усилия Совета Европы и Организации Объединенных Наций кодифицировать некоторые международно-правовые нормы, регулирующие гражданство в случаях правопреемственности государств. В этих случаях гражданство чаще, чем всегда, является основанием для четкого наделения лиц важными правами, включая — как в случае с Латвией — пенсионное обеспечение своих граждан в отсутствие какого-либо другого вероятного кандидата.

25. В целом, по международному праву не существует обязательства для государства брать на себя какую-либо ответственность за трудовой стаж, приобретенный во времена Советского Союза, если только и до тех пор, пока согласие по этому поводу не будет достигнуто путем межгосударственных переговоров. Однако в особом контексте незаконной аннексии (см. ниже, пункт 26 настоящего мнения), граждане пострадавшего государства имели серьезное ожидание, что им не придется страдать больше, чем они уже пострадали, и что это, в частности, может быть выражено в пенсионном обеспечении. Другими словами, нет ничего неразумного в том, что после долгих лет, проведенных под властью незаконного тоталитарного режима, независимая законодательная власть решила вознаградить своих граждан.

26. Конкретный контекст незаконной аннексии отличает настоящее дело даже от других дел, разрешенных Европейским Судом, в которых элемент правопреемственности государств был принят во внимание. В течение пятидесяти лет Латвия была незаконно подчинена Советскому Союзу (см. упоминавшееся выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии»). С точки зрения международного права с восстановлением независимости Латвии в 1991 году мы являемся свидетелями ситуации, намного более близкой к тому, что называется по праву ООН *деколонизацией*, или что иногда называется в доктрине *дезаннексией*, похожей на то, что случилось с Австрией и Чехословакией в контексте Второй мировой войны и после аншлюса этих стран; единственным различием является то, что, к сожалению для балтийских государств, восстановление их независимости стало возможно только четырьмя десятилетиями позднее (наряду со многими другими источниками по данному вопросу см.: *Zimmermann A. «Continuity of States»* // интернет-энциклопедия *Max*

Planck Encyclopedia of Public International Law). Необходимо вспомнить, что в 1983 году Европейский парламент, отмечая, что «советская аннексия <...> все еще не была формально признана большинством европейских государств, и США, Великобритания, Австралия и Ватикан все еще придерживаются концепции балтийских государств», предложил передать вопрос о балтийских государствах на рассмотрение Специального комитета Организации Объединенных Наций по деколонизации (документ 1982–1983 EUR.PARL.DOC (no. 7.908) 432–433 (9183)).

27. На практике это означало, что когда заявительница переехала в Латвийскую ССР в 1954 году, для нее это был всего лишь еще один уголок Советского Союза, как она это подтвердила в своих замечаниях по делу. Ее ситуация типична для многих людей, переезд которых в балтийские государства поощрялся в рамках политики *советизации* и *русификации* балтийских государств, осуществлявшейся советской Коммунистической партией после неправомерного включения этих государств в состав Советского Союза¹. Европейский Суд должен был быть в состоянии провести различие между принципиально разными обстоятельствами по фактам и в международном праве. Так, речь идет о совершенно иной ситуации, когда лицо въезжает, скажем, во Францию или в Соединенное Королевство, у властей которых есть возможность решить, допускать ли его на свою территорию. После восстановления своей независимости Латвия столкнулась с вопросом о лицах, приехавших в Латвию еще в советские времена и достигших такого количества, что латвийские граждане становились меньшинством в своем собственном государстве; но у Латвии был очень маленький выбор в отношении регулирования положения иммигрантов советских времен.

28. Примечательно, что в тексте постановления, как представляется, не проводится различие между разными субъектами права, рассматриваемыми в течение соответствующего периода времени. Конечно, для целей правового регулирования есть разница между Латвийской ССР, СССР и Латвийской Республикой. Возникает непонимание того, что конкретно значит использованный термин «Латвия» в контексте 1954 года или «Украина» в контексте 1970-х и 1980-х годов (см. пункты 10–11 постановления). Предположение о том, что Латвийская Республика как субъект международного права и участница Конвенции является правопреемником СССР в терминах международного права, не имеет смысла и противоречит распространенной практике государств, как было продемонстрировано выше.

29. Worse того, таковое предположение может подразумевать — что касается Европейского Суда — что обязательство по международному праву не признавать незаконных субъектов является не имеющим значения (сравните с упоминавшимся выше консультативным заключением Международного суда ООН по делу «Намибия (Юго-Западная Африка)», § 117–118). Это — отклонение от установленной практики, так как Европейский Суд последовательно указывал, что, например, Турция ответственна по Конвенции за действия или бездействия, имевшие место в «Турецкой Республике Северного Кипра»², которую можно сравнить с Латвийской ССР.

¹ Ситуация в Латвийской ССР описывалась следующим образом: «Те члены латвийской элиты, которые не бежали на Запад или не погибли в Гулаге, испытывали мало доверия со стороны властей. Когда появились Советы, Коммунистическая партия Латвии была совсем крохотной <...> Эти факторы побуждали власти ввозить русских и рожденных или получивших образование в Советском Союзе русифицированных латышей для заполнения ведущих постов в обществе <...> Так, ленинской политической системе была присуща этническая иерархия, при которой русские или русифицированные латыши правили местными латышами <...> Масштабы потока миграции привели многих латышей к заключению о том, что Москва пытается развить латышское население или полностью его ассимилировать. <...> Во время переписи 1989 года только 21,1% русских заявили, что знают латышский язык <...> Режим <...> действительно политизировал языковой вопрос, часто относясь к знанию русского языка и желанию говорить на нем как к признаку политической лояльности». См. работу: Muižnieks Nils. «Latvia: origins, evolution and triumph» // I. Bremmer and R. Taras (eds.). *Nations and Politics in the Soviet Successor States*. Cambridge University Press, 1993, p. 184–187.

² В мае 1983 г. турецкая община Кипра образовала так называемую «Турецкую Республику Северного Кипра» и провозгласила ее государственную независимость. Совет Безопасности ООН осудил этот шаг, повторив свое требование вывода турецких вооруженных формирований с территории острова Кипр. Псевдогосударство «Турецкая Республика Северного Кипра» остается *de jure* непризнанным мировым сообществом (*примечание редакции*).

30. Какие бы права или привилегии ни были предоставлены заявительнице по советскому законодательству, они были предоставлены ей Советским Союзом, эффективный контроль которого над Латвийской ССР до 1991 года, вероятно, не вызывает вопросов. Также не вызывает вопросов, что сегодня Российская Федерация продолжает осуществлять права и обязанности Советского Союза (см. упоминавшееся выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку и другие заявители против Молдовы и России», § 378; а также, например, работу: *Hamant H. Démembrement de l'URSS et problèmes de succession d'États*. Editions Bruylant. 2007, p. 128). Даже если взгляды на виды преемственности балтийских государств могут различаться, существует практически полное единогласие в том, что они не являются новыми правопреемниками Советского Союза, и что их ситуация отлична от собственно бывших советских республик в связи с неправомерной оккупацией их Советским Союзом (см., наряду со многими другими источниками по данному вопросу работы: *Hamant H. Op. cit.*, p. 129; *Dumberry P. Op. cit.*, p. 151; *Ziemele I. State Continuity and Nationality: the Baltic States and Russia*. Leiden, Boston. Martinus Nijhoff Publishers. 2005). Кроме того, обе стороны в ответах на вопросы, заданные в ходе устного слушания, отметили, что если заявительница вышла бы на пенсию в 1990 году, ее пенсия выплачивалась бы из средств, ассигнованных в обычном порядке из государственного бюджета СССР. Государственный банк СССР, а не советские республики, контролировал государственный бюджет и бюджет социального обеспечения. После распада СССР эти средства не были разделены между бывшими республиками. Они были унаследованы Российской Федерацией.

31. Другими словами, мы рассматриваем последствия незаконной аннексии, при которой после отобрания суверенитета государства-предшественника, часть населения, как она трансформировалась во время оккупации, оказалась в ситуации неопределенности. Я не понимаю, почему через посредство Конвенции Латвия, пострадавшее государство, и ее граждане должны быть принуждаемы компенсировать последствия ситуации, которую они не создавали. Однако в отличие от многих других известных в истории ситуаций схожей природы, заявительница не была полностью лишена социальной защиты и пенсионных прав, так как она получала пенсию в минимальном размере, доступную всем гражданам Латвии. Кроме того — хотя это и не имеет большого значения с точки зрения права — необходимо отметить, что в распоряжении заявительницы имелось два варианта действий, при помощи которых она могла бы получать более высокую пенсию, но она решила не прибегать к ним. Она могла бы зарегистрировать свое российское гражданство или получить латвийское гражданство, и ее требование было бы выполнено. Мнение большинства судей, составивших постановление по настоящему делу, о ее правовом статусе (см. пункт 88 постановления) не совсем верно, так как оно не принимает во внимание особые упрощенные процедуры Закона Российской Федерации «О гражданстве», применяемые к бывшим гражданам СССР при получении российского гражданства. Утверждение в постановлении о том, что у заявительницы были «стабильные правовые связи» с Латвийской Республикой, осталось без объяснения или анализа причин для такого мнения. К сожалению, большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, не приняло во внимание тот факт, что рассматриваемая ими ситуация касается восстановления независимости государства после долгих лет существования в качестве части другого государства, причиной которого были незаконные действия или применение силы. Следовательно, аргумент о возможности получения гражданства в данном контексте отличается от

подобного аргумента в любой другой нормальной ситуации (по данному вопросу см. работу: *Eide A. «The Rights of “Old” versus “New” Minorities» // European Yearbook of Minority Issues. Vol. 2, 2002/3, p. 377*)

Закон 1995 года имеет одну правомерную цель!

32. Большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, ограничивается признанием того, что Закон «О государственных пенсиях» 1995 года преследовал как минимум одну правомерную цель, «а именно цель защиты экономической системы страны» (см. пункт 86 постановления). Интересно, что этим судьям не удается избежать ссылки на контекст восстановления независимости Латвии и распада СССР, несмотря на предшествующее утверждение, что по настоящему делу ссылка на этот контекст неверна. Естественно, поскольку правомерная цель сведена к защите экономической системы страны, оценка соразмерности примененных средств отлична от той, которую можно было бы ожидать, если бы был учтен имеющийся отношение к делу международно-правовой контекст. Эта оценка не имеет вообще никакой связи с теми реалиями, задачами и целями, с которыми столкнулись власти независимой Латвии при построении современного независимого государства в постконфликтном контексте.

33. В любом случае, даже исходя из прецедентной практики Европейского Суда, государства пользуются широкой свободой усмотрения при перестройке или реформировании своей экономической системы. Разумеется, этой свободе должно придаваться серьезное значение в случае, когда государство как таковое заново появляется на карте мира.

Можно ли считать проведенное различие дискриминацией?

34. Большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, полагает, что весомых причин для проведения различия по признаку гражданства не существует, в основном по следующим причинам. Во-первых, заявительница находилась в объективно сходной ситуации с лицами, имеющими такой же или схожий трудовой стаж, но признанными после 1991 года гражданами Латвии. Во-вторых, нет доказательств тому, что в советские годы существовало какое-либо различие в обращении между гражданами СССР в отношении их пенсий — иными словами, советский социальный налог уплачивался и администрировался аналогичным образом для всех работников. В-третьих, у заявительницы нет никакого иного гражданства. В наиболее близких связях она состоит с Латвией, «которая, с объективной точки зрения, может взять на себя ответственность за нее в том, что касается социального обеспечения» (см. пункт 88 постановления и выше, пункт 31 настоящего мнения).

35. Я не могу понять, как эти доводы доказывают, с юридической точки зрения, что различие не было оправданным. Мне также неясно, почему большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, считают, что советский контекст имеет большее значение для их оценки соразмерности различия. Латвийский закон «О государственных пенсиях» принимался вовсе не на основании предполагаемого равенства всех советских граждан. Прежде всего, я полагаю, что большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, противоречат самим себе, ссылаясь на некие неуставленные факты из советского прошлого, только что сказав, что пояснения государства-ответчика относительно правового контекста, характеризовавшего Латвию в тот период, не имеют отношения к делу. В отсутствие какого-либо объяснения отно-

сительно выбора имеющего отношение к делу контекста я нахожу это решение произвольным. Во-вторых, большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, вновь подтверждает мой уже выдвигавшийся аргумент о том, что совместимость оспариваемых норм национального законодательства с требованиями Конвенции в отрыве от более широкого контекста оценить невозможно (см. выше, пункты 18–19 настоящего мнения). Наконец, любопытно, каким образом решение Европейского Суда может опереться на предполагаемые советские реалии таким образом, чтобы прийти к выводу, что различие было неоправданно, соотносится с общим принципом *ex injuria non jus oritur* и обязанностью по непризнанию незаконной ситуации в качестве законной в рамках международного права.

36. Если, исходя из правовой точки зрения, мы примем во внимание то обстоятельство, что (а) присутствие Советского Союза на территории Латвии было незаконным и противоречащим нескольким нормам международного права и что (b) определенные хорошо известные принципы, подлежащие применению в ситуациях оккупации (например, пункт 6 статьи 49 Четвертой Женевской Конвенции), запрещают не только депортации или насильственные перемещения населения, такие как совершённые СССР во время Второй мировой войны, но и любые меры, предпринимаемые оккупирующей стороной для организации или содействия перемещению частей своего собственного населения на оккупированную территорию (см. консультативное заключение Международного суда ООН «Правовые последствия сооружения стены на оккупированной палестинской территории», Сборник актов Международного суда ООН [*ICJ Reports*] 2004, § 120), то ссылки на предполагаемое равенство советских граждан, схожесть профессиональных стажей и предположение о том, что у заявительницы наиболее сильны связи с Латвией, просто не выдерживают критики. Действительно, не существует международной конвенции, касающейся содержания обязанности по непризнанию государств, особенно в связи с оценкой правопритязаний на получение пенсий, выдвигаемых в обстоятельствах, сходных с обстоятельствами настоящего дела. Существуют, однако, важные примеры практики государств и судебных решений, включая прецедентную практику самого Европейского Суда, которые могут служить ориентиром.

37. С точки зрения международного права общеизвестно, что Латвийская ССР была нелегитимным образованием, и на нее для третьих государств распространялось правило о непризнании. Существует обязанность не признавать «официальные действия, совершенные» Советским Союзом «от имени или относительно» Латвийской ССР. Такие действия незаконны и недействительны (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше консультативное заключение Международного суда ООН по делу «Намибия (Юго-Западная Африка)», § 125). Можно также обратить внимание на несколько дел, рассмотренных Судом Европейских Сообществ, по которым было признано, что только действия Республики Кипр, но не действия властей северной части Кипра, имеют правовые последствия в соответствии с правовыми нормами Европейского Сообщества (см., например, дело C-432/92, § 40). Пенсия на основании работы заявительницы в советский период была обещана ей Советским Союзом. Это обещание, предполагаемое равенство советских граждан и ее переезд в Латвийскую ССР на постоянное место жительства не может служить — если относиться серьезно к международному праву — основанием для довода Европейского Суда о том, что Латвийская Республика должна была предоставить все пенсионные блага негражданам в Латвии.

Европейский Суд мог также уделить внимание еще одному принципу международного права, изложенному Меж-

дународным судом ООН в заключении по делу «Намибия (Юго-Восточная Африка)». Он мог проанализировать переходные положения латвийского закона с целью определить, в достаточной ли степени они принимали во внимание интересы всего населения (см. упоминавшееся выше консультативное заключение Международного суда ООН по делу «Намибия (Юго-Западная Африка)», § 125). Как уже указывалось, важно иметь в виду, что каждый в Латвии получает базовую пенсию, и существует схема предоставления других социальных пособий, доступная всем без какого-либо различия по признаку гражданства.

38. Более того, даже с точки зрения правовых норм Конвенции и общих принципов прав человека различие, проводимое в латвийском законе «О государственных пенсиях», не означает автоматически, что имеет место дискриминация (см. постановление Европейского Суда по делу «Карсон и другие заявители против Соединенного Королевства», упоминавшееся выше, в пункте 9 настоящего мнения).

Следует отметить, что Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации специально предусматривает в пункте 2 статьи 1, что она не применяется к «различиям, исключениям, ограничениям или предпочтениям, которые государства-участники настоящей Конвенции проводят или делают между гражданами и негражданами». Известно, что Комитет по ликвидации расовой дискриминации толкует это исключение ограничительно, но развитие правовых норм в области защиты прав человека, включая правовые нормы Конвенции о защите прав человека, не отменило суверенного права государства вводить различия между гражданами и негражданами, если только их цель или эффект не содержат элементов дискриминации по признаку расовой принадлежности, цвета кожи, места рождения или национального или этнического происхождения (см. работу: Boyle K., Baldaccini A. «A Critical Evaluation of International Human Rights Approaches to Racism» // Fredman S. *Discrimination and Human Rights. The Case of Racism*. Oxford University Press. 2001. P. 155; см. также выше, пункт 9 настоящего мнения). Существует много примеров из практики различных государств, когда соответствующие различия проводятся в самых разных областях. К. Томушат заметил, что «в том, что касается социальных прав, национальное законодательство обычно проводит много различий, которые неспециалисту в данной области нелегко оценить на предмет их оправданности» (см. работу: Tomuschat C. «International Covenant on Civil and Political Rights (1966)» // интернет-энциклопедия Max Planck Encyclopedia of Public International Law, § 28). Европейский Суд всегда справедливо проявлял в данном вопросе осторожность и приходил к выводу, что государства имеют широкую свободу усмотрения при определении своей социальной и экономической политики.

39. В случаях, когда *не поднимаются* вопросы правопреемства или преемственности государств, подход Европейского Суда состоит в том, что должны существовать очень веские причины для проведения какого-либо различия по признаку гражданства (см. пункт 87 постановления). Для Суда было бы, разумеется, только логично сохранять тот же самый подход в делах, которые развиваются в контексте правопреемства или преемственности государств. Однако в таких случаях, по всем изложенным выше причинам, Суд должен признать, что конкретный контекст является важным обоснованием для необходимых различий (см. решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу по делу «Куна против Германии» [*Kuna v. Germany*] (жалоба № 52449/99), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2001-V). Обоснования различий, даже если они восходят к истории страны, должны тщатель-

но анализироваться Судом, как это и происходило при рассмотрении других дел (см. упоминавшееся выше решение Европейского Суда по вопросу о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу по делу «Эшштейн и другие заявители против Бельгии»).

Выводы

40. При обстоятельствах настоящего дела я не могу признать, что заявительница понесла более тяжкое бремя, чем остальные представители поколения, которые всю жизнь проработали в Советском Союзе. В 1992 году Латвия пережила полный коллапс национальной экономики. У государства практически не было денег. В конце 1992 года по всей стране был введен единый размер пенсии: все лица без исключения получили право на получение 15 латвийских латов (то есть 21 евро 34 цента). Четырьмя годами позже, несмотря на то, что граждане в принципе должны были получить компенсацию за свою работу в советские годы, стандартная пенсия, которую получало большинство населения, составляла 22 лата. Государство не могло позволить себе большего. Так как в то время заявительница еще работала, эта мера не была применена к ней. Принятый Латвией подход был сбалансирован по отношению к различным нуждам в особо сложном историческом контексте.

41. Вопрос, затрагиваемый настоящим делом, во много раз сложнее, чем кажется на первый взгляд, и сложно понять столь упрощенческий подход большинства судей, составивших постановление по делу. Это не только дело, при решении которого Европейский Суд должен был рассмотреть сложную область международного права, но и дело, неизменно фоном для которого служат вопросы построения нации в постколониальном контексте и трения между новой титульной нацией и новым меньшинством, потерявшим свои былые привилегии. Разрешая данное дело, Суд оказывается в центре всей этой проблематики. Его постановление будет изучаться со всех этих различных точек зрения, хотя Суд и попытался избежать углубления в анализ всех этих вопросов. Решение принято, но Суд не может постоянно избегать занятия определенной позиции по сложным проблемам, рассматривая их вместо этого узко и в отрыве от контекста. Суд не должен противоречить общему правилу толкования, изложенному в Венской конвенции о праве международных договоров и таким образом действовать *ultra vires*¹. В международном праве это порождает несколько новых вызовов в том, что касается ценности таких судебных решений. Суд не должен способствовать фрагментации международного права во имя предполагаемых прав человека — не должен он и с легкостью принимать решения, которые могут подорвать

строительство государства, так как обеспечение соблюдения прав человека требует сильных и демократических государственных институтов (пример, где Суд следует такому подходу, можно найти в упоминавшемся выше постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии»).

42. Большинство судей, составивших постановление по настоящему делу, по сути дела сосредоточили свое внимание только на различии, проводимом по признаку отсутствия гражданства в переходных положениях Закона «О государственных пенсиях», и фактически придало запрету такого различия абсолютный характер. Большинство судей не опровергли доводов государства-ответчика; они просто не смогли понять значения этих доводов. Поэтому Европейский Суд *не высказался* по каким-либо важным вопросам международного права в своем постановлении по настоящему делу. В результате оно не противоречит факту незаконной оккупации Латвии и преемственности латвийского государства в международном праве.

Каковы же последствия подхода, занятого Европейским Судом по настоящему делу? Он посылает четкий сигнал всем государствам — участникам Конвенции о том, что касается их законодательства в области социального обеспечения: в случае появления в нем какого-либо различия по признаку приобретенных характеристик (место жительства, гражданство или иной статус) велика вероятность того, что оно будет противоречить требованиям статьи 14 Конвенции, если только не будет предоставлено какое-либо действительно веское обоснование. Хотя я и полагаю, что это выходит далеко за рамки правила Конвенции *ratione materiae*, факт остается фактом: Суд принял свое решение, и всем государствам — участникам Конвенции придется иметь дело с его последствиями. Суд должен будет обеспечить, чтобы при рассмотрении всех аналогичных дел применялся тот же самый подход.

43. Лично я продолжаю рассматривать настоящее дело как то, чем оно является: как проблему ответственности по пенсионным обязательствам, возникшим при СССР после его распада. Я не думаю, что это дело относилось к тому виду дел, в решениях по которым уместны провозглашения фундаментального характера относительно запрещения дискриминации при реализации социальных прав. Оно, тем не менее, могло стать важным вкладом в разъяснение применения Конвенции в связи с приобретенными правами в сложном контексте преемственности государства после незаконного аннексирования. Наряду с некоторыми постановлениями в отношении Турции, данное постановление могло бы стать очередным примером подхода Суда к вопросу о содержании обязательства по непризнанию ситуации законной в рамках международного права. К сожалению, Суд упустил эту возможность.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

This translation was made and published with the financial support of the European Commission and the Council of Europe Joint Programme «Enhancing the capacity of legal professionals and law enforcement officials to apply the ECHR in domestic legal proceedings and practices»².

¹ Ultra vires (лат.) — вне сферы компетенции; с превышением полномочий (примечание редакции).

² Настоящий перевод был выполнен и опубликован при финансовой поддержке совместной программы Европейской комиссии и Совета Европы «Укрепление возможностей юристов и сотрудников правоохранительных органов в деле применения Европейской конвенции по правам человека во внутригосударственных судебных разбирательствах и в правоприменительной практике» (примечание редакции).